

ЭРНЕСТ СЕТОН-ТОМПСОН

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

Эрнест Сетон-Томпсон
Рассказы о животных

«ФТМ»
1900-1946

УДК 821.11 (73)
ББК 84(7Кан)

Сетон-Томпсон Э.

Рассказы о животных / Э. Сетон-Томпсон — «ФТМ», 1900-1946

ISBN 978-5-17-151737-3

Эрнест Сетон-Томпсон (1860–1946 гг.) – один из первых писателей-анималистов. Он способствовал становлению жанра рассказов о животных и повлиял на многих собратьев по перу. В его произведениях говорится о вечном противостоянии зверя и человека. И уступить в этой борьбе никто не может, да и не хочет. Животные нападают на домашний скот, люди охотятся на диких животных. Каждый по-своему прав. Особенно если вспомнить, что события развиваются в середине XIX века. Тем не менее рассказы Сетона-Томпсона пробуждают сочувствие и помогают понять дикого зверя и его тяжелую и интересную жизнь. Произведения входят в школьную программу. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.11 (73)

ББК 84(7Кан)

ISBN 978-5-17-151737-3

© Сетон-Томпсон Э., 1900-1946

© ФТМ, 1900-1946

Содержание

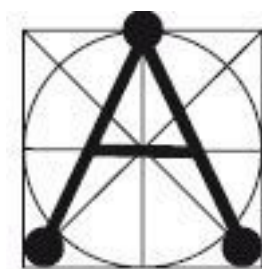
Домино	6
Часть первая	6
I. Родной дом	6
II. Несчастье	7
III. Новый дом	8
IV. Новый наряд и новая жизнь	10
V. Красавец и чудовище	11
VI. Зимняя жизнь Домино	12
VII. Домино находит себе подругу	13
Часть вторая	16
VIII. Весна	16
IX. Событие	17
X. Старый враг	17
XI. Лань	18
XII. Приворотное зелье	19
XIII. Мед из львиного чрева	21
XIV. Лето и девочка	22
XV. Наследник Домино	23
Часть третья	25
XVI. Дикie гуси	25
XVII. Губитель овец	25
XVIII. Спаситель Белогрудки	26
XIX. Испытание мужества	27
XX. Река и ночь	29
Мустанг-иноходец	32
I	32
II	35
III	36
IV	40
V	42
VI	45
По следам оленя	47
I	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Эрнест Сетон-Томпсон

Рассказы о животных

Рисунки на обложке и титуле *В. Бастрыкина*

© Чуковский Н. К., перевод, насл., 2022

© Бастрыкин В. В., ил., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Домино

История черно-бурого лиса

Часть первая

Золотое детство

I. Родной дом

Солнце село за Голдерские горы, и мягкие сумерки, которые так любят все животные, разлились над морем холмов и равнин. Закат пылал, а маленькие долинки были наполнены кротким сиянием, лишенным теней. Высоко на холме, невдалеке от реки Шобан, зеленела сосновая роща. Хорошо и спокойно было здесь в сумерки. Посреди этой рощи на полянке жила семья лисиц.

Вход в нору скрывался на опушке. В этот час все семейство вышло на воздух порезвиться и наслаждалось вечерней прохладой.

Мать следила за игрой детей. Она самым усердным образом поддерживала общее веселье. Пушистые малыши резвились с беззаботностью только что начавших жить существ, для которых высшей силой является мать, и эта сила вся к их услугам, а следовательно, весь мир для них – друг. Они играли и боролись с буйным весельем, гонялись друг за другом, за мухами и жучками, смело принохивались к толстым шмелям и бешено носились, стараясь поймать кончик материнского хвоста или отнять друг у друга какой-нибудь старый, давно уже брошенный обедок.

Они играли ради игры и рады были всякому предлогу, чтобы поднять новую кутерьму.

В этот вечер игрушкой лисят было засохшее утиное крыло. Десятки раз оно переходило от одного к другому. Но вот его наконец схватил самый бойкий лисенок, с черной полосой поперек мордочки. Не уступая никому, он стал носиться по кругу со своей добычей, пока остальным не надоела бесполезная погоня и игра. Тогда он выпустил крыло, но тотчас же вцепился в хвост матери и теребил его до тех пор, пока она внезапным прыжком не вырвала своего хвоста, опрокинув на спинку маленького забияку.

Во время этой суматохи на полянке появился старый лис. Увидев его, мать вздрогнула, лисята испугались, но знакомый облик тотчас же успокоил всех: это был отец.

Он нес пищу, и потому все жадно повернули в его сторону глаза и носы. Отец опустил на землю свою ношу – только что задушенную выхухоль, – и мать побежала за ней.

Охотники рассказывают, что лиса никогда не приносит добычу к самой норе, если лисята не дома. А в рассказах охотников иногда бывает и правда.

Мать швырнула выхухоль детям, и они набросились на нее. Они дергали и таскали зверька, рыча и страшно тараща глазенки друг на друга, и каждый отчаянно тряс головой, стараясь урвать свою долю добычи.

Мать смотрела на возню лисят с мертвой выхухолью, но в то же время поглядывала и на окружающий лес. Там всегда могли скрываться коварные враги: люди с ружьями, мальчишки и собаки, орлы и совы – всем хочется поохотиться на маленьких лисят.

Она постоянно была настороже, и в этом ей помогал муж. Хотя он играл второстепенную роль в семейных делах и даже совсем не допускался в нору, пока лисята были еще слепыми сосунками, тем не менее добросовестно приносил пищу и сторожил нору.

Веселый пир малышей был в самом разгаре, как вдруг издали донеслось отцовское «юр-юр-яп» – сигнал приближающейся опасности. Если бы лисята были побольше, они сами поняли бы значение этого сигнала. Но они были еще очень малы, и мать поспешила объяснить им, что надо делать: пересказав лисятам отдаленный лай отца низкими, угрожающими звуками, она загнала их обратно в нору, где в полутьме они спокойно покончили с выхухолью.

Среди ферм одной только Новой Англии живет не менее тысячи пар лисиц. Каждая пара ежегодно выводит детей, и потому весьма вероятно, что такие сцены, как только что описанная, происходят перед каждой лисьей норой в каждый хороший весенний день. Следовательно, не менее чем сто тысяч раз в год эти сцены повторяются у нас под самым носом, а между тем все это происходит в такой тайне, до того осторожны родители маленьких зверьков, что, быть может, лишь одному из ста тысяч людей посчастливится наблюдать подобную семейную сцену.

В городе Голдере таким счастливецом, одним из ста тысяч, оказался Абнер Джукс. Это был долговязый, белобрысый, веснушчатый мальчишка, который лазил по деревьям за вороньими гнездами, вместо того чтобы пасти коров.

Он наблюдал за игрой лисят не просто, как всякий мальчишка, а с трепетом будущего естествоиспытателя. Он тотчас заметил лисенка с черной маской на морде, как бы одетого в домино, и радостно улыбался его штукам.

Мальчику и в голову не приходило мешать забавам малышей, но тем не менее он оказался невольным виновником неожиданного перерыва в игре, а также всех бедствий, обрушившихся на лисье семейство впоследствии.

Абнер охотился на лисиц только зимой. Он гордился своей охотничьей собакой, которая обещала стать «самым лучшим псом во всем штате». Правда, это был еще не пес, а только щенок, но щенок с большими лапами, тонкой талией и широкой грудью. Голос у него был сильный, звучный, и, судя по угрюмому дикому нраву, щенок обещал вырасти презлющим зверем. Обычно Абнер запирали его дома, но на этот раз щенок как-то вырвался на волю и, конечно, тотчас же пустился искать своего хозяина. Его-то приближение и встревожило отца лисят.

Лисица-мать, убедившись, что все семеро ее дорогих малюток находятся в безопасности – дома, сейчас же побежала навстречу врагу. Она нарочно избрала такой путь, чтобы непременно попасться на глаза собаке, если бы та приблизилась к норе, и действительно вскоре услышала металлический лай, который заставил биться сильнее даже закаленное сердце ее супруга.

Но теперь она не думала о себе. Она увлекла за собою неуклюжего пса, затем, очутившись на безопасном расстоянии от норы, очень просто отделалась от него, сдвоив свой след, и вернулась в нору. Там было все благополучно. Только черномордый лисенок, обыкновенно встречавший ее у входа, на этот раз забился в самую глубь норы и уткнул свой нос в песок.

Минут пять назад он выглянул было из норы, но услышал жуткий, пронзительный собачий лай, и дрожь пробежала у него по всему хребту, до самого кончика пушистого хвоста. Малыш поспешно забрался в самый дальний угол и лежал там, скорчившись, еще долго после того, как всякая опасность миновала.

До сих пор он жил в мире любви. Теперь в этот мир вторгся страх.

II. Несчастье

Среди охотников очень распространено мнение, будто лиса не трогает того птичника, который ближе всех к ее норе. Она старается не навлечь на себя гнев ближайшего соседа и поэтому предпочитает ходить за добычей на более отдаленные фермы.

Быть может, по этой причине на птичьем дворе Джукса все было благополучно, а у Бентона то и дело пропадали куры. Старик Бентон вообще не отличался долготерпением, а когда исчезло более четверти его прекрасных кур, он окончательно взбесился.

В следующее воскресенье сыновья Бентона – Си и Бэд, проходя по вершине холма, услышали лай Джюксовой собаки, напавшей на след лисы. Мальчики не особенно дружили с собакой и потому не стали вмешиваться в это дело. Они остановились и, наблюдая сверху за происходившей в долине охотой, видели, как ловко лиса провела собаку, когда ей надоело убегать.

Но не успели они тронуться с места, как лиса появилась опять, и на этот раз с белой, как снег, курицей в зубах. Бентон очень гордился своими породистыми белыми курами, и не было сомнения, что именно одну из его кур унесла лиса. Белая курица хорошо заметна издали, и мальчики без труда проследили похитительницу до самого входа в нору.

Полчаса спустя они уже стояли среди белоснежных перьев породистой курицы. Мальчики попробовали было просунуть в нору длинный шест, но он застрял в изгибе хода, и лисята, хотя и страшно перепуганные, остались невредимы. Старые лисы в это время метались поблизости в лесу. Испуганные, они убежали от норы, но нора – а в ней остались лисята – тянула их к себе. Они пытались подойти к норе, но каждый раз, услышав голоса людей, отбегали и прятались в кустах.

Хотя нора находилась на земле, принадлежавшей Джюксу, дети Бентона все-таки решили прийти еще раз на другой день и выкопать лисиц. Но лисица-мать уже встревожилась: ее дом стал теперь опасным. Тотчас же начала она рыть новую нору и на рассвете приступила к переноске своего семейства.

У деревенских жителей, если они хотят отобрать лучшего из новорожденных котят, существует простой и естественный способ отбора: они выносят котят в открытое поле. Кошка скоро находит своих детей и начинает перетаскивать их обратно. Тот котенок, которого она возьмет первым, и считается самым лучшим. Это верная примета: самый шустрый котенок всегда выберется из кучи наверх, первый обратит на себя внимание матери, а потому она и несет его домой прежде всех.

В старой норе первым встретил лисицу тот лисенок, который был самым бойким и самым сильным, – Домино, и его первого перенесла она в новое, безопасное убежище. Затем она взяла самую здоровую из его сестер, а в третий раз – маленького крепыша-брата. Отец тем временем сторожил на соседних холмах.

Стало рассветать. Мать пустилась в путь с третьим лисенком, как вдруг отец подал сигнал тревоги.

Мальчики Бентона явились с заступом и киркой, чтобы раскопать лисью нору, но в трех шагах от входа они наткнулись на большой камень. Пока они рассуждали, как им быть, из каменоломни в горах донесся гул взрыва, и план действий был готов. Один из мальчиков сходил в каменоломню и вскоре вернулся с динамитным патроном. Они заложили патрон в трещину камня. Через минуту страшный взрыв потряс склон холма. Когда улеглось облако пыли, оказалось, что взрыв засыпал вход в нору грудой камней. Лисята, без сомнения, были раздавлены или задохлись. Взрыв превратил жилище в могилу, и мальчики ушли.

Если бы они вернулись сюда ночью, они увидели бы, как лисы, отец и мать, разрывали лапами землю и напрасно грызли осколки гранита, стараясь попасть в родную нору. На следующую ночь лисы приходили снова. На третью ночь явилась только одна мать, а затем и она оставила безнадежные попытки.

III. Новый дом

Новый лисий дом находился на расстоянии мили от прежнего и уже не на вершине холма, а внизу, у реки, там, где она покидает холмы и растекается по лугам. Тут, в широкой ложине, окруженной скалами, где густо переплетались корни осин и берез, лисы устроили новое жилище. Вход в него охраняли два больших гранитных камня. Прежняя нора находилась на склоне холма, в сосновой роще, а эта – в ложине, заросшей осиною. Сосна вечно шумит и

вздыхает, осина все время дрожит и трепещет. А мимо со звонкой песней катит свои волны река.

У входа в нору начинались густые заросли, которые спускались к заросшей осокой тихой речной заводи. Этот зеленый скат служил местом игр для трех малышей, и здесь все лето можно было десятки раз наблюдать прежнюю сцену возвращения домой охотника-отца с добычей. Вся трава была примята от вечной возни лисят и вытоптана их лапками.

Лисята быстро росли, но быстрее всех рос тот, у которого с каждым днем все темнее становилась маска на мордочке.

Родители принялись обучать их охоте. Лисята почти все уже не сосали мать и ели то же, что и взрослые. И вот теперь отец и мать устраивали так, чтобы детям приходилось добывать пищу как бы самостоятельно. Они уже не приносили добычу к самой норе, а оставляли ее в лесу – все дальше и дальше, по мере того как лисята становились сильнее. Заслышав призыв матери, дети бросались в лес, и там начиналась серьезная игра, от результатов которой зависел обед.

Надо было видеть, как они носились в чаще кустарника, как рыскали и кружили по заросшим травой склонам, разглядывая и обнюхивая каждую ямку!

Как радостно они летели вперед, опрокидывая друг друга, когда ветер подсказывал им, куда бежать, и как прекрасно в конце концов они научились мчаться во весь опор по следу отца или матери прямо к запрятанной пище!

Так они приучались к настоящей охоте.

Темномордый лисенок был самый сметливый, самый сильный и самый ловкий. Он умел лучше всех находить пищу и потому питался лучше всех. Ему всегда доставались самые большие и лакомые куски.

Он рос быстрее других лисят, и разница между ними становилась заметнее с каждым днем. Но у него было и еще одно отличие: его детская темно-серая шубка стала темнеть. У брата и сестры начала пробиваться рыжая и желтая шерсть, свойственная их породе, а у него шерсть день ото дня чернела, а на морде и на лапах сделалась совсем черной.

Был уже конец июля. Старые лисы не только без устали добывали детям пищу с соседних ферм, но и заботливо оберегали их от всякой опасности. Звонкий лай черной собаки часто раздавался вблизи их ложины, и всегда, услышав его, черный лисенок дрожал. Но каждый раз отец или мать отправлялись навстречу врагу и, обманув его какой-нибудь простой уловкой, заставляли вернуться домой ни с чем. Среди прибрежных скал обмануть собаку было так легко, что лисы стали относиться с пренебрежением к своему неуклюжему противнику и сделались не в меру самоуверенны.

Однажды, когда все три лисенка сновали по поляне в поисках только что принесенной отцом добычи, откуда ни возьмись на них ринулась пятнистая собака.

В ужасе от ее громового рычания, лисята бросились в разные стороны, но младший братишка не успел увернуться: громадные челюсти схватили его.

Страшный зверь принес свою добычу на ферму и, положив к ногам хозяина, смотрел на него, ожидая похвалы. Однако хозяин не похвалил пса.

Беда никогда не приходит одна. На рассвете следующего дня лис-отец бежал домой с только что пойманной уткой, как вдруг собачий лай заставил его свернуть в сторону с привычного и хорошо знакомого пути. Он очутился на дорожке, обнесенной высокой изгородью с обеих сторон. Он не мог перебраться через изгородь, не выпустив изо рта утки. Лис побежал вдоль изгороди, но собаки уже нагоняли его. Тогда он юркнул в первый попавшийся проход. Увы! Несчастный попал во двор, где жила другая собака, и тут ему пришел конец.

Семья его об этом не узнала. Отец не вернулся домой, не принес добычи. Мать и двое лисят остались голодными. Голод – вот, пожалуй, и все, что они ощущали в этот день. В норе среди осин осталась только мать с двумя детьми. Лисица-мать отважно приняла на себя все

тяготы. Впрочем, ее заботы о детях уже почти окончились. В августе они начали ходить вместе с нею далеко на охоту и сами добывали себе пищу. В сентябре дочь была уже с мать ростом, а темношерстый сын значительно перерос ее и стал гораздо сильнее матери.

Теперь между сестрой и братом и между матерью и сыном отношения изменились: обе лисицы начали сторониться этого высокого красавца лиса и, наконец, стали просто избегать его.

Мать с дочерью еще продолжали жить вместе, но какой-то тонкий инстинкт уже разрушал семейные узы. Они держались дружески с высоким черным лисом, когда встречались случайно, но, по-видимому, избегали этих встреч. Так быстроногий Домино, научившись заботиться о себе, покинул старую осиновую ложбинку и начал жизнь лиса-одиночки.

IV. Новый наряд и новая жизнь

С этих пор Домино вступил в широкий мир, полный житейских бурь, лежавший за пределами родного уголка под тенью осин. Теперь он начал самостоятельную жизнь и должен был полагаться только на собственные силы, чтобы быть сытым и целым. С каждым днем он становился умнее, осторожнее и красивее.

Вскоре после ухода из родной норы ему пришлось спастись от преследования, которое показало ему, что иной раз сметливость спасает лучше, чем самые быстрые ноги. Кроме того, он сделал открытие, что у него есть верный друг в минуту опасности – друг, которого он видел и раньше каждый день, но с которым познакомился только теперь.

Однажды за Домино погнались две собаки, и, спасаясь от них, долго бегая по скалам, он изрезал в кровь свои лапы. День был сухой и знойный. Сделав отчаянное усилие, Домино намного опередил своих преследователей и помчался к реке, чтобы охладить свои разгоряченные, усталые, окровавленные ноги. Спустившись к реке, он побрел по мелкой воде против течения, наслаждаясь прохладой. Он прошел по воде уже с четверть мили, как вдруг снова услышал приближающийся лай и увидел собак, добежавших до реки по его следу. Молодой лис спрятался в кустах на островке и из своего безопасного убежища с удовольствием наблюдал, как собаки, добежав до берега, потеряли след, носились взад и вперед, стараясь отыскать его снова, и, наконец, не найдя ничего, совершенно сбитые с толку, повернули домой.

Быть может, лис не понимал отчетливо, что вода скрыла следы, но у него все же создалось представление, что река – хорошее место, куда можно уйти от неминуемой опасности. Впоследствии это подтверждалось не один раз. Так, например, у другого берега, гораздо ниже по течению, была песчаная отмель, на которой, по-видимому, не оставалось следов и которая, следовательно, не могла выдать присутствие беглеца. Когда настала зима и река покрылась тонким слоем блестящего льда, Домино увидел, что этот лед прекрасно держит его и ломается под собакой, которая проваливается в воду.

Но самым полезным местом оказался скалистый обрыв над рекой. Под обрывом вилась тропинка, вначале довольно широкая, а затем суживавшаяся настолько, что еще кое-как была проходима для лисицы, но слишком узка для охотничьей собаки. Тропинка эта огибала мыс, а потом отлого поднималась на скалу и вела в лес, до которого любой иной дорогой было добрых две мили.

Кроме того, Домино узнал, что, когда в других местах охота плоха, у реки всегда найдется что-нибудь съестное. Была ли то выброшенная на берег рыба, или дохлая птица, или хоть лягушка, все же можно было утолить голод. И у него составилось твердое убеждение, что вообще река – прекрасное место, полезное в трудные минуты жизни. Река стала его другом.

Вот как изменился за это время наш молодой зверь.

Постоянно угрожавшая его жизни опасность удесятерилась.

С наступлением холодных осенних ночей его шуба стала гуще, пушистее и изменила цвет. С каждым днем его шерсть все темнела, пока наконец рыжие и серые оттенки не исчезли совсем. И всякий, кто знает толк в мехах, мог бы сказать: «Не предвестник ли это еще большей красоты? Не станет ли этот молодой лис настоящим черно-бурым лисом?»

Добыть шкуру черно-бурой лисицы – величайшее счастье, о котором только может мечтать охотник. Но это сокровище тщательно охраняется хитростью и быстротой самого зверя.

Черно-бурая лисица только зимой сильно отличается от обыкновенной. Черно-бурого лисенка, пока он еще не переменял своей детской шубки, легко принять за обыкновенного. Только с приближением зимы можно обнаружить красоту счастливицы. И вот, когда прошла осень и в Голдере наступили морозные ночи, темнеющая зимняя шуба Домино с каждым днем становилась все пышнее и гуще, хвост с белым кончиком – пушистее, а темная полоса поперек морды – все чернее, резко выделяясь, подобно маске, среди обрамляющей ее серебристой шерсти. Голова и шея также приобрели блестящий черный цвет. Наконец, как звезды, усеивающие темное ночное небо, появились блестящие белые кончики волос на фоне черного, как мрак, меха. Тот, кто видел черномазого лисенка в июле, ни за что не узнал бы его теперь, в ноябре, в полном блеске благородного зимнего наряда: Домино превратился в великолепного черно-бурого лиса.

V. Красавец и чудовище

Скоро всем стало известно, что в Голдере появился черно-бурый лис. Люди уже не раз видели этого красавца, это чудо среди пушных зверей, и некоторые полагали даже, что собаке Джюкса, черной Гекле, не раз удавалось гнаться за ним по пятам. Так, по крайней мере, рассказывал сам Джюкс, хотя соседи его смеялись над подобными баснями и утверждали, что черно-бурая лисица просто издевалась над глупым псом и, заставив его бежать сломя голову, всегда оставляла в дураках с помощью какой-нибудь из своих бесчисленных уловок.

У Геклы был замечательный голос: громкий, низкий и такой звучный, что в тихие ночи он был слышен за несколько миль. Лай этот казался механическим, потому что собака неизменно лаяла при каждом скачке, даже когда возвращалась домой по собственному следу.

Мальчики Джюкса воображали, что Гекла – чудесная, образцовая охотничья собака. Но соседи говорили, что это помесь лисьего капкана и паровой сирены, да к тому же еще угрюмая и дикая скотина. Более беспристрастные люди признавали, что Гекла – крупный, быстроногий, злой щенок, обладающий действительно особенным, незабываемым голосом.

Впервые я услышал лай Геклы, когда она была заперта на ферме. Этот звонкий, жуткий, металлический голос потом целый день стоял у меня в ушах.

И вот однажды осенью, на закате солнца, когда я бродил в лесу у подножия Голдерских холмов, мой слух поразил тот же самый металлический лай, доносившийся издали. Я тотчас же узнал его и догадался, что Гекла идет по чьему-то следу. Я прислушался и вскоре понял, в чем дело. Послышался легкий шелест листьев, и через несколько мгновений я увидел великолепное животное – черную, как уголь, лисицу. Она на минуту задержалась, став передними лапами на лежащий ствол дерева, чтобы оглянуться в сторону врага. Лисица была всего в пятидесяти шагах от меня, и я знал, что надо было делать: приложив к губам руку, я втянул в себя воздух и громко чмокнул. Лисица тотчас повернулась ко мне и стала быстро ползти в мою сторону.

Вот между нами уже не больше двадцати шагов. Она остановилась в грациозной позе, с настороженными ушами, несколько загнутым кверху хвостом и приподнятой передней лапой, стараясь определить, откуда донеслось заманчивое чмокание крысы или кролика.

О, что это был за мех!

Стояла еще ранняя осень, но на фоне черного блестящего меха уже резко выделялись белая, как снег, грудь и светлый кончик хвоста. Желтые глаза ее горели, как огоньки, а сереб-

ристые кончики волос окружали, как сиянием, ее голову и шею. Мне кажется, я еще никогда в жизни не видал такого прелестного создания. Наконец я сообразил, что это, должно быть, и есть голдерская черно-бурая лисица. Я не двинулся, она тоже. Как это часто случается, животному, по-видимому, не приходило в голову, что перед ним находится человек. Но лисица хорошо слышала по приближающемуся металлическому лаю, что по ее следам идет Гекла, и повернулась, чтобы бежать далее. Тут я снова чмокнул и еще раз имел счастье наблюдать изящную позу насторожившегося животного. Но я выдал себя неосторожным движением, и лисица мгновенно скрылась.

Минут десять спустя передо мною появилось другое животное: мерно лая через каждые несколько футов, продираясь сквозь кустарник, ломая на пути все, что не гнулось, неуклюжая, тяжелая, с налитыми кровью глазами, не обращая ни на что внимания, кроме следа на земле, с мрачным упорством двигаясь вперед, показалась Гекла – знаменитая Гекла, которая собиралась помериться силами с самым быстроногим из обитателей Голдерских холмов.

Невольно становилось страшно при виде того, как этот громадный, грузный зверь обнюхивал землю и безошибочно находил каждый поворот лисьего следа. Было как-то жутко подумывать, что след может точно сказать, куда направилась лисица. А между тем это было так, и Гекла ни разу не повернула обратно. Я чмокнул собаке, но с таким же успехом можно было бы чмокать какому-нибудь капкану. Единственной ее мыслью было не терять следа, пока он не приведет к лисице. А что было бы потом, об этом я мог судить по злым, налитым кровью глазам собаки и по ошетилившейся шерсти на хребте. Я сам охочусь на лисиц и люблю эту охоту, но в тот день вид прелестного создания, преследуемого безжалостным Цербером, от которого нельзя уйти, произвел на меня такое же впечатление, как вид ядовитой змеи, душащей прекрасную певчую птичку.

Старинная дружба человека с собакой была забыта, и с тех пор мое сердце перешло на сторону черно-бурого лиса.

VI. Зимняя жизнь Домино

Пришла зима, и деревенские мальчишки принялись за свою беспорядочную охоту на лисиц. Пустив вперед двух-трех псов, они плетутся обычно позади пешком, со своими ружьями.

Однажды на след Домино напала настоящая конная охота с целой сворой собак, но Домино скрылся в скалах возле реки. С каждым удачным уходом от своих врагов он становился все сильнее и все лучше умел сбивать с толку преследователей. Кроме того, он совершенствовался еще и в умении владеть собой. Страшный лай громадной собаки пугал его по-прежнему, но Домино научился преодолевать свой страх, и мужество его все возрастало.

Он вел теперь обычную жизнь одинокого лиса. У него не было норы – лисы зимой мало живут в норах. Он ложился спать на открытых местах, где защитой от холода ему служили его пышная, густая шуба и пушистый хвост. А острый нюх надежно охранял его от приближающейся опасности.

Спал он только днем, на солнце. Таков уже неписанный закон лисиц: «Ночь существует для охоты, день – для сна». Когда после захода солнца начинало темнеть, Домино отправлялся на поиски пищи.

Ошибочно думают, будто всякое дикое животное может видеть в непроглядной тьме; нет, свет ему нужен. Разумеется, он ему нужен гораздо меньше, чем человеку, но все-таки немного света требуется и для него. Животное может лучше пробираться ощупью в темноте, чем человек, но все же оно передвигается лишь ощупью. Животные не любят яркого полуденного света. Любимое их время – мягкий полумрак. При луне или в звездную ночь зимой, когда лежит снег, охотиться удобнее всего.

Итак, едва садилось солнце, Домино выходил на охоту. Он бежал рысцей, держась против ветра, сворачивал в стороны, чтобы обследовать всякую заманчивую заросль, всякий заросший травой буерак, наведывался во все места, где ему когда-нибудь посчастливилось прежде, и подбегал ко всякому приметному столбу, камню или углу ограды понюхать, не побывала ли там недавно какая-нибудь лисица. Ведь лисицы, подобно собакам и волкам, имеют обыкновение оставлять свои следы у каждого камня и столба. Затем он бежал по вершинам холмов, пригнувшись, не донесется ли с ветром запах съестного. При малейшем шорохе он останавливался и стоял неподвижно, пока не убеждался, что ничего не случилось, или подкрадывался, словно кошка, поближе, чтобы лучше разузнать, в чем дело. Иногда он взбирался на какое-нибудь пригнувшееся к земле дерево, чтобы осмотреться, или, если дерева не было, делал высокий дозорный прыжок вверх.

Во время этих ночных походов он вовсе не избегал фермерских дворов, охраняемых собаками. По мере заселения пустынных мест число лисиц там увеличивается, так как каждая ферма служит для них источником пищи и непременно имеет двух-трех постоянных нахлебников лисьей породы. Так и наш Домино, несмотря на присутствие собак, все-таки бежал от одной фермы к другой. Если нужно было остерегаться собаки, он останавливался на некотором расстоянии и вызывающе лаял. Если собака выскакивала на его лай, он удирал, а если никто не отзывался, он делал вывод, что собака заперта. Тогда он смело прокрадывался во двор и хватал все, что попадалось. Разумеется, наилучшей добычей ему казалась жирная курица, которую он мгновенно заставлял замолчать, сжав ей шею зубами. Но порой Домино приходилось довольствоваться и брошенными курам объедками хлеба или дохлой крысой, выброшенной из крысоловки. Он не гнушался даже таскать куски из свиного корыта.

Почти всегда, хотя и не каждую ночь, он находил съестное, а ведь, в общем, иметь хороший ужин раз пять в неделю вполне достаточно для того, чтобы не потерять жира и протянуть зиму.

VII. Домино находит себе подругу

Ни одно дикое животное не блуждает бесцельно с места на место – каждое из них имеет свой родной округ, определенный участок для охоты. За этот участок оно готово сражаться и будет защищать его от всякого другого животного своей породы.

Многочисленные наблюдения показывают, что охотничий округ лисицы обыкновенно простирается на три-четыре мили от норы во все стороны. Возможно, впрочем, что округ одной лисицы отчасти совпадает с округами других лисиц. Но к таким постоянным соседям животное скоро привыкает, хорошо изучив их наружность и запах их следов; в конце концов соседи перестают обращать друг на друга внимание.

Совершенно иное дело, если в округе появляется чужой зверь. Тогда приходится биться или уходить.

Когда «Снежный месяц» пошел на ущерб, Домино, достигший полного расцвета своих сил, одетый в роскошный мех, начал страдать от одиночества. Временами безотчетное стремление к общению с кем-нибудь заставляло его долго просиживать на пригорке вблизи какой-нибудь фермы, прислушиваясь к лаю собак, если это не было особенно опасно, или даже нарочно вызывать их на погоню за собой. Иногда он останавливался на вершине освещенного луной холма и выпускал протяжный лающий вой. Ученые называют его лисьим лаем, а охотники зовут тоскливым плачем:

Яп, яп, яп, яп, юррр-йоу,
Яп, яп, яп, яп, юррр-йоу...

Однажды, в одну из ночей «Голодного месяца» Домино печально завывал, не надеясь, что кто-нибудь отзовется. Воя, он еще сильнее чувствовал свое одиночество.

По-людскому «Голодный месяц» называется февраль. Зима стала понемногу сдавать, подул мягкий, влажный юго-восточный ветер, тот самый, который несет с собою таинственное веяние весны.

Яп, яп, яп, яп, юррр-йоу,
Яп, яп, яп, яп, юррр-йоу... —

снова повторил свой призыв Домино и, зорко осмотревшись кругом, на этот раз уловил вдали тень, промелькнувшую по белому покрову полей. Пока он следил за ней, насторожив уши, другая тень быстро пронеслась по снегу, но уже ближе, и Домино пустился вслед за нею.

Человек знает всех своих соседей только по наружности и легко ошибается, если они хоть слегка изменяют ее. Лисица в этом отношении стоит выше: она знает своих соседей по запаху их следов, их тела и, кроме того, по наружности, а все это вместе не может измениться до неузнаваемости. Через несколько мгновений Домино уже напал на след второй тени, и сразу же чуть безошибочно подсказало ему, что это след рыжего лиса, который живет на Шобане. У Рыжего издавна были тут права охоты, и потому Домино спокойно побежал дальше. Но когда он напал на другой след, оставленный первой тенью, кровь его тотчас же вскипела жадной битвы: это был след чужой лисы, зашедшей в его места, и он помчался в погоню. Однако, по мере того как он бежал, приняхиваясь к следу, гнев его пропадал, уступая место иному чувству.

Он еще раз приняхался к следу и со всех ног бросился по нему вдогонку. Нос его, этот чудесный, непостижимый вожатый, уже шептал: «Скорей!»

С удвоенным пылом понесся он вперед и вдруг еще раз напал на след Рыжего. Всего несколько минут назад Домино пересек этот след совершенно равнодушно, но теперь все изменилось: опять новое чувство переполнило его. Теперь это была бешеная злоба. Вся его шерсть, от ушей до хвоста, ошетичилась.

Наконец, пробежав три-четыре поляны, он увидел обеих лисиц. То, что они делали, не походило ни на преследование, ни на драку, и было неясно, в мире они или во вражде. Чужая лиса, небольшая рыжая самочка с пышной белой манишкой, отбегала немного вперед. Рыжий быстро настигал ее, и тогда она оборачивалась и кидалась на него. Он отскакивал, но не огрызался. Так они продолжали бежать, бросаясь из стороны в сторону. При виде этой сцены целая буря страсти и гнева овладела Домино.

Ему почему-то казалось, что он имеет больше прав на внимание Белогрудки, и он был немало озадачен, когда она отвергла его еще энергичнее, чем соперника. С диким рычаньем Домино обернулся к Рыжему. Тот поднял хвост, выпрямился и, оскалившись, показал два ряда страшных зубов.

Несколько секунд они стояли так один против другого. Воспользовавшись этим, Белогрудка опять пустилась бежать. Соперники быстро последовали за нею, угрожая друг другу на бегу, и Домино первый нагнал беглянку. Она остановилась и огрызнулась, но не очень сердито. Рыжий подошел с другой стороны и увидел, что ему угрожают и Домино и Белогрудка.

Соперники схватились между собой.

Рыжий был опрокинут и лежал, щелкая зубами. Домино стоял над ним, но не делал ему никакого вреда.

Белогрудка побежала снова, а соперники держались теперь по обе стороны ее, рыча друг на друга.

По мере того как они перебежали через поле, Белогрудка понемногу удалялась от Рыжего и приближалась к черно-бурому лису, а когда все трое опять остановились, то лицом к лицу

оказались уже не трое друг против друга, а двое против одного. Высокий черный лис выпрямился во весь свой рост, шерсть на его шее ощетинилась, хвост поднялся. Грозно рыча и оскалив свои блестящие зубы, он гордо двинулся на противника, а по пятам за ним пошла Белогрудка.

Рыжий понял, что для него все кончено, повернулся и понуро побежал прочь.

Часть вторая Вдвоем

VIII. Весна

Светлая весна вступила в свои права на Голдерских холмах. Потемнели склоны холмов, вскрылись реки, воздух наполнился хлопанием крыльев, громкими криками на заре и свистом маленьких жаб в уже оттаявших прудах.

В лесу, еще одетом по-зимнему, проглянула сквозь снег грушица и, выпрямив свои блестящие листочки, казалось, говорила: «Вот чего я ждала, вот когда кстати мои красные ягодки». Куропатки, белки и сурки лакомились этим угощением «Вороньего месяца», и у всех, кто любит мир диких животных, невольно являлась отрадная мысль о том, как мудро мать-природа поступила, припася к голодному времени такую вкусную пищу.

В лесах и на озере уже начиналась пора ухаживаний, которая говорила о близком зарождении новых жизней. Все это находило живейший отклик в сердцах Белогрудки и Домино.

Как только по откосам заструились первые холодные ручейки тающего снега, наша пара отправилась на поиски жилища.

Они бегали и искали, искали и бегали повсюду, или, правильнее, искала одна Белогрудка, а Домино лишь покорно следовал за ней. Так исходили они песчаные равнины на востоке от Голдерских холмов. Но там везде встречались маленькие знаки, оставленные другими лисицами, смысл которых в переводе на лисий язык был вполне ясен: «Чужим здесь придется брать место с боя». Затем они излазили все овраги Голдера. Однако в оврагах лежал еще слишком глубокий снег. Вернувшись снова к реке, они наконец напали на осиновую рощицу – ту самую осиновую рощицу, где протекло детство Домино. Тут поиски его подруги, по-видимому, окончились, так как на этот раз она нашла все, что было ей нужно.

Понюхав там и сям, она начала рыть яму в чаще орешника. Земля здесь была покрыта глубоким снегом, под которым лежал толстый слой опавших листьев, и потому сохранила свою мягкость. В других же местах земля была совершенно промерзшая, и лисице не удалось бы вырыть нору.

Какое-то необъяснимое чутье подсказало ей, что нужно рыть именно тут. Домино тем временем взобрался на вершину ближайшего холма и сидел там на страже. Проработав около часа, лисица вылезла из ямы, и Домино сменил ее.

Так они рыли поочередно несколько дней, и наконец нора была готова. Эта нора состояла из длинного коридора, который сначала спускался вниз, затем шел вверх, в более широкое помещение, откуда другой коридор вел в боковое помещение; первый же коридор снова поворачивал вверх и, достигнув замерзшего слоя земли, пока оканчивался там.

Лисицы ежедневно царапали изнутри замерзшую землю, которая с каждым днем все более и более оттаивала, и наконец пробились наружу. Аккуратный круглый вход в нору они прикрыли пучком прошлогодней травы. После этого они зарыли первоначальный вход. Около нового входа не было вырытой земли, и никто не мог бы заметить его, даже стоя рядом, а растущая трава с каждым днем скрывала его еще больше.

Пищи стало попадаться уже немало, и однажды, поймав неосторожного сурка, вышедшего побродить ночью, Белогрудка зарыла его в сухом песке боковой комнаты.

Теперь супруги старались как можно реже попадаться кому-нибудь на глаза вблизи норы. Много раз Белогрудка бегала по воде ручейка, чтобы не оставлять заметных следов к дому, а Домино нередко распластывался за поваленным деревом в траве, пока какой-нибудь деревен-

ский мальчик проходил мимо, даже и не подозревая близкого присутствия лиса. Черно-бурый зверь с каждым днем все более опасался таких прохожих.

IX. Событие

Когда вслед за «Вороньим месяцем» наступил «Травяной», воздух лесов и полей наполнился ожиданием грядущего плодородия. И с Белогрудкой произошла резкая перемена: она стала избегать Домино, как врага, и свирепо рычала на него, когда он пытался следовать за нею в нору.

Домино по целым дням не заходил в нору. И вот во время его отсутствия произошло знаменательное событие.

На свет появилось пять лисят, маленьких, нескладных, «безобразных», как сказали бы люди, но для матери они были самыми прелестными, самыми драгоценными существами в мире. С этой минуты, охваченная материнским чувством, она целиком и безраздельно принадлежала своим детям.

Лишь много часов спустя она решилась на минутку оставить их одних, и то затем только, чтобы утолить жажду прохладной водой ближайшего ручейка. Там на берегу ждал Домино. Белогрудка слегка повела ушами, но не издала ни звука и вообще ничем не показала, что заметила своего супруга. Он лег ничком на листья, а она вернулась в нору. На следующий день Белогрудка почувствовала голод, но и не подумала выйти за добычей. Пища была у нее спрятана заранее в норе.

Два дня спустя, когда запасы иссякли, она вышла из норы и неподалеку от входа нашла кучку недавно убитых мышей. Быть может, отец принес их для детей, а не для матери. И мыши пошли впрок детям, хотя были съедены матерью. С этих пор Белогрудка ежедневно находила какую-нибудь пищу, оставленную у входа в нору или спрятанную поблизости в траве.

Две недели лисята оставались слепыми, но затем глазки их открылись. Теперь они уже меньше пищали, и мать могла уходить спокойнее. Домино заметил, что теперь она не так гонит его прочь, а еще через несколько дней и ему было дозволено присоединиться к семье.

Когда лисятам было уже около месяца, маленькие увальни впервые решились выползти на свет божий. Они двигались очень медленно и неуклюже: у них не было еще ни ловкости, ни красоты, но была прелесть беспомощных малюток. И всякий, кому случилось бы увидеть молодую семью, тотчас заметил бы чувства, которые эта беспомощность внушала родителям: им, как и всяким родителям, хотелось все время ласкать и пестовать пушистых крошек, и они были постоянно готовы защищать своих малюток от любого врага, от которого в другое время непременно убежали бы.

С тех пор все чаще стали повторяться сцены, происходившие в детстве перед домом самого Домино. Лисята с каждым днем крепили и становились все более похожими на лисиц.

X. Старый враг

Однажды Домино возвращался домой с добычей. Навстречу ему из норы высунулись пять черных носиков, и пять пар глазенок, блестящих, как бисер, уставились на него. Вдруг невдалеке раздался громкий собачий лай, и Домино в тревоге вскочил на пень, чтобы лучше прислушаться. Сомнения не было: это был тот самый жуткий лай, голос его давнишнего врага. Нельзя было подпустить его к дорожному гнездышку, и, подавив страх в своем сердце, Домино отважно устремился навстречу собаке, между тем как мать увела малюток в нору.

Гекла тотчас же пустилась за Домино, но теперь она тоже была в полном расцвете сил, и уходить от погони стало труднее. На мгновение собака остановилась, почуяв след Белогрудки, но Домино смело показался из-за кустов, вызывая залаял и снова увлек преследователя за

собой. Лис и собака были молоды и сильны. Целый час гонка продолжалась без устали. Наконец Домино надоело бегать, и он попытался отделаться от собаки, как бывало прежде. Однако теперь это оказалось не так легко: Гекла за это время научилась многому и стала опытной гончей. И первая и вторая уловка не удалась. Тогда Домино вспомнил об узком карнизе вокруг скалистого обрыва, там, где Шобан выходит из гор, и помчался туда, увлекая за собой своего неумолимого врага.

Неизвестно, было ли это случайностью или обдуманном планом, но только оба неслись прямо к обрыву. Все ближе и ближе.

Уже черная пышная лисья шубка замелькала по берегу реки. Домино начал замедлять бег. Гекла напрягла все свои силы и, тяжело дыша всей грудью, стала нагонять лиса. Так они достигли наконец широкой тропинки, Домино пошел еще тише, а черная собака, уже видя свою жертву совсем близко, удвоила свои усилия. Казалось, вот-вот она настигнет лиса.

Между тем тропинка становилась все уже и уже. Собака наседала. Она была уверена в своей победе: еще один скачок – и усталый лис будет у нее в зубах... Но хитрый зверь уже помчался стрелой по узкому карнизу вдоль скалы. И Гекла, широкогрудая, коренастая, бросившись за ним, ударилась боком о скалу и кувырком полетела по каменистой круче – все вниз, вниз, вниз, пока наконец, избитая и окровавленная, не скатилась в ледяную воду реки.

А сверху этот полет спокойно наблюдал черный лис.

В этом узком месте Шобан и летом течет со страшной быстротой, весной же он превращается в kloчущую стремнину. Самая сильная собака устала прыжка в такую пучину, и бедная Гекла, жестоко израненная, выбивалась из сил, борясь за свою жизнь. Бурный поток с диким воем нес ее целых две мили, подкидывая, перевортывая, швыряя об острые камни и крутя в водоворотах, пока наконец, как бы с презрением, не выбросил несчастное, искалеченное животное на песчаную отмель. Лишь на другой день Гекла кое-как доплелась домой и уже ни в эту весну, ни в это лето не могла снова приняться за охоту.

А пять черных носишек и пять пар блестящих, как бисер, глазенок на пушистых невинных мордашках продолжали каждый день спокойно появляться у входа в нору.

Их отец оказался хорошим защитником, и осиновая ложбина, где находился их дом, стала долиной мира.

XI. Лань

Лето было в полном разгаре, и «месяц Роз» сиял во всем блеске. Лисята росли поразительно быстро, и двое из них уже успели покрыться темно-свинцовой шерстью, которая указывала на их благородное происхождение и много обещала в будущем. Белогрудка и Домино старались теперь приносить домой живую дичь, чтобы лисята могли поохотиться и загрызть ее сами.

Каждый день родители устраивали для лисят новые приключения, давали им возможность показать свою быстроту и чутье. С каждой охотой лисята научались чему-нибудь новому и совершенствовались в охотничьем искусстве. Ради этого Домино почти каждый день приходилось пускаться в рискованные предприятия, где любая другая лисица легко могла бы поплатиться жизнью. Но он выходил благополучно из всех испытаний и только развивал свою силу, быстроту и сметливость.

На Голдерских холмах водились сурки, и однажды, разыскивая их в папоротниках, Домино внезапно был поражен странным запахом. Через мгновение он увидел притаившееся в траве довольно крупное животное, светло-рыжее, с белыми пятнами.

Домино инстинктивно замер на месте, не спуская глаз со странного создания и готовый отскочить в сторону, если бы оно бросилось на него. Но рыжее с белыми пятнами существо

лежало, как мертвое, припав головой к земле, и глядело на него большими, круглыми, блестящими, полными ужаса глазами.

Лани – это была молодая лань – очень редки на Шобане, и потому Домино, никогда не встречавший их ранее, не знал, что ему делать. Одно было ясно – что притаившийся детеныш больше боится лиса, чем лис его. Когда первый испуг прошел, любопытство взяло верх, и Домино сделал шаг по направлению к лежащему зверю. Тот не двигался и не дышал. Тогда он сделал еще шаг. Их разделял всего один прыжок. Но животное продолжало лежать неподвижно.

Еще один шаг – и когда Домино стоял уже перед самым теленком, тот вскочил наконец на свои длинные ноги и с жалобным блеяньем неуклюже запрыгал по папоротнику. Домино сделал высокий прыжок в ту же сторону и уже ради забавы последовал за ним.

Вдруг послышался топот, и через несколько мгновений примчалась мать-лань. Шерсть у нее на хребте поднялась дыбом, глаза горели злым зеленым огнем, и Домино тотчас же понял, что попал в беду. Он пустился прочь, но лань, дико фыркая, погналась за ним, яростно стуча по земле острыми копытами. Она была в десять раз больше него и летела как ветер. Быстро догнав Домино, она лягнула передней ногой, направив в лиса предательский удар, от которого он едва увернулся. Она сделала новый выпад – и опять ловкий прыжок в сторону спас его.

Разъяренная лань неотступно преследовала Домино, не довольствуясь тем, что ее детеныш остался цел и невредим. Она, видимо, решила во что бы то ни стало доконать лиса, который, по ее мнению, намеревался напасть на ее дитя.

Она продолжала преследовать свою жертву в зарослях папоротника и терновника и не только не уставала, но как будто становилась все сильнее. Кусты мешали лису бежать, но для тяжелой лани они были пустячным препятствием. Если бы не этот проклятый кустарник, такая бешеная скачка, пожалуй, доставила бы даже удовольствие Домино.

Так они прыгали с полчаса, и было ясно, что, увернувшись сто раз, Домино на сто первый оплошает, и тогда один удар копытом принесет ему верную смерть. Поэтому он счел благоразумным как можно скорее выбраться на более безопасное место и, выбежав из кустов, пустился во весь дух по открытому полю. Но как ни быстро мчался Домино, спасая свою жизнь, лань не отставала от него ни на шаг. Они вбежали в лес. Домино едва успел увернуться от удара переднего копыта. К счастью, этот удар пришелся по толстому дереву.

Здесь, среди спасительных стволов, Домино мог вздохнуть свободно и посмеяться над разъяренной ланью и ее глупым детенышем. Однако все это послужило ему хорошим уроком. Он уже никогда не забывал, что чужой – всегда враг.

ХII. Приворотное зелье

Одни люди ставят капканы, чтобы добывать меха, другие – чтобы убивать вредных зверей, а иные, сами не зная зачем, расставляют ловушки круглый год. Так поступали и мальчишки Бентона. Они не имели понятия о настоящей ловле капканами и всегда делали одну и ту же ошибку: привязывали приманку не к тому концу спуска. Эта ошибка до того выдавала поставленные ими капканы, что всякая лиса, обладавшая хоть крупицей лисьего здравого смысла, относилась к ним с величайшим презрением. Вокруг бентоновских капканов всегда были три верных, предостерегающих лисиц признака: запах железа, запах человеческих рук и запах человеческих ног. Запах ног скоро пропал бы, но мальчишки сами постоянно возобновляли его. Запах железа оставался и еще усиливался после каждого дождя.

Домино знал все капканы, поставленные в горах. Он мог найти их в любое время дня и ночи гораздо скорее, чем сами Бентоны. Он навещал их к капканам каждый раз, когда проходил мимо. Осмотрев их на почтительном расстоянии, он делал то, что не хуже человеческих слов выражало презрение и насмешку. Даже у глупого сурка и коротколапого кролика – и у

тех хватало смекалки посмеяться над бентоновскими капканами. Ну, и Домино смеялся над ними. Он никогда не забывал, проходя мимо, посмотреть на них и затем оставить следы своего посещения на каком-нибудь камне или пне.

И вот как раз в это время Бэд Бентон узнал новый способ ловли капканами. Один старый охотник с севера дал ему какой-то волшебный тошнотворный состав из бобровой струи, анисового семени, глистогонного масла и других пахучих веществ. Он говорил, что нескольких капель этого волшебного зелья достаточно, чтобы привлечь всех лисиц, усыпить в них всякую осторожность и завлечь их в любую западню.

Захватив с собой чудесную склянку, молодой Бентон отправился в обход и опрыскал из нее все свои капканы. Бывают запахи, которых человек почти не замечает, – они для него словно тихий, едва слышный голос, а для лисицы эти запахи гремят, как целый оркестр, ибо у лисиц есть чутье. Запах, который противен человеку, может показаться лисице благоуханием роз, сладчайшим фимиамом. Капли этого состава, попавшие на платье Бентона, распространили такую вонь, что лошади фыркали у себя в конюшне, а дома отец предлагал ему пересест на другой конец стола. Для изошренного чутья Домино этот запах, доносимый ветром, был так же ясен, как облако дыма, тянущееся от громадного костра, и он так же легко мог определить его источник, как можно узнать место горниста по звуку горна или положение водопада – по грохоту. Этот запах был слышен всюду и не возбуждал в Домино никакого отвращения, а, напротив, тянул к себе, как огонек привлекает путника, заблудившегося во мраке, или как волшебная музыка могла бы заманить в лес какого-нибудь мечтателя. Выйдя на свою вечернюю охоту, Домино тотчас поднял вверх нос, чтобы узнать, откуда доносится этот запах, и пустился бегом по направлению к нему.

Через миг запах привел его в одно давно знакомое место, где всегда воняло человеческими следами и разило железом и лишь по временам немного примешивался, как бы для приличия, слабый запах куриной головы, глупо привязанной к капкану. У Домино представление об этом месте всегда вызывало чувство презрения, но что за перемена произошла с ним теперь! Подобно тому как заходящее солнце озаряет чудным светом кучу грязи или превращает серые облака в величавые горы пурпура и золота, эта новая, волшебная, все растущая сила, это очарование, еще издавна проникшее через ноздри лиса в глубину его души, лишили его всякого самообладания.

Вытянув вперед свой черный нос, Домино медленно, но неудержимо двинулся на запах. Теперь запах уже пьянил его, туманил голову. В ушах звенело, по всему телу пробегала сладкая дрожь. Тут было и ощущение покоя после утомительного бега, и чувство приятной теплоты в холодный день, и радость наполнения голодного желудка свежей, горячей кровью.

Домино с раздутыми ноздрями, с бьющимся сердцем, с прерывающимся дыханием, полузакрыв глаза, медленно крался все ближе и ближе к источнику этого чудесного, полного всемогущих чар запаха и наконец подошел вплотную к скрытому капкану. Он знал, что здесь капкан, он его тотчас же заметил, но уже был околдован, уже находился в полной власти чар. Он страстно жаждал прикоснуться к этому месту, пропитаться насквозь этим запахом, столь властным и пленительным. И, весь извиваясь, он повернул набок голову и стал тереться своим красивым затылком о загрязненную землю, затем повалился на спину и начал кататься, пачкая свою пышную шубу в пыли, пропитанной этим запахом падали. Он был на вершине восторга, как вдруг – щелк! – и неумолимые железные челюсти схватили его за спину, глубоко зарывшись в драгоценный серебристо-черный мех.

Домино очнулся, и все очарование исчезло в одно мгновение: проснулись инстинкты преследуемого зверя. Он вскочил на ноги и выпрямил свою гибкую спину. Железные челюсти капкана, запутавшиеся в шерсти, соскользнули, и Домино был свободен. Если бы он попал в капкан не широкой спиной, а лапой, его участь была бы решена. Но теперь он уже мчался прочь, широко раздувая ноздри.

Бывают неразумные лисы, которые способны несколько раз поддаваться коварному очарованию запаха и играть с верной смертью. Но для Домино было достаточно однажды понять скрытый в этом запахе ужас. Впоследствии этот завлекательный запах мгновенно пробуждал в нем воспоминание о мертвой хватке страшных, сильных челюстей.

ХIII. Мед из львиного чрева

Лисы продолжали собирать свою обычную дань с курятника Бентона. Так как мальчики ничего не могли поделать с ними, то наконец сам старик рассердился. Сначала он ворчал, отпуская разные презрительные замечания, начинавшиеся: «Когда я был мальчиком, то...», а затем решил тряхнуть стариной и сам принялся за ловлю.

Капканы не следует ставить около фермы, так как они только калечат собак, кошек и свиней. Хороший ловец пускает в ход свои ловушки где-нибудь вдали от жилья, в лесу.

Старик взялся за дело и отправился в обход. Он сразу же внес несколько существенных изменений в расстановку капканов. Прежде всего старик окуривал каждый капкан кедровым дымом, чтобы заглушить запах железа. Затем он изгнал всякие опрыскивания пахучими веществами. «Иной раз, – говорил он, – эта вонь действует хорошо, но она привлекает только дураков, а умные звери скоро догадываются, в чем дело, и избегают пахучих мест. Для всех лисиц всегда был и есть только один испытанный запах: это запах свежей куриной крови». Он убрал капканы с загрязненных, хорошо известных мест и зарыл их в пыли. В пяти шагах от каждого капкана он разбросал куски курицы, после чего замел следы кедровой веткой – и ловушка была готова.

Несколько ночей спустя Домино проходил мимо. Еще шагов за двести он почуял запах курятины, но чем ближе он подходил, тем сильнее в нем пробуждалась его обычная осторожность. Он стал медленно подкрадываться. С раздутыми ноздрями, насторожившись, он подвигался, держась против ветра. Не пахло ни железом, ни человеческими следами, но слышался довольно едкий запах дыма, а единственное животное, которое может дымить, – это человек. Однако возможно, что эти аппетитные куски курятины просто обронены другой лисой. Он заметил, что если подойти к кускам курицы сбоку, то запах дыма не заглушает куриного запаха.

Домино еще колебался, но в это время ветер переменялся, запах дыма исчез, и остался только чистый, соблазнительный запах курятины. Домино приблизился еще на три шага, остановился. Потом повел носом во все стороны, тщательно принюхиваясь. Нигде не слышно было запаха человеческих следов. Перед ним была только пища, которую он столько раз ел по ночам, которую он так любил и так часто таскал к себе в нору. Однако временами он все же чувствовал едва заметный запах дыма. Домино был осторожный зверь. Он начал уже медленно пятиться назад, выбирая почву своими стройными лапами и ставя их не на шероховатые места, а лишь на ровную, гладкую землю, как вдруг – шелк! – Домино оказался пойманным, и на этот раз уже не за широкую спину, которую капкан не мог удержать, а за ногу. Да, теперь он попался крепко!

Напрасно он прыгал и напрягался, напрасно грыз зубами ненавистный капкан: стальные челюсти не выпускали его лапу, и все усилия освободиться только утомляли его.

Так прошло два часа в безнадежной, изнуряющей борьбе. Домино то лежал, измученный и задыхающийся, то опять впадал в бессильное бешенство, кусал холодное, неумолимое железо и вырывал зубами молодые кустики, торчавшие кругом. Много раз он бился и напрягался, много раз, обессиленный, замирал. Он очень страдал. Страх и боль смешались в этом страдании, но временами вспыхивала ярость. Тогда, измученный и ослабевший, он на миг становился сильным и начинал рваться и грызть капкан.

Так прошел день... Так прошла еще одна долгая, томительно долгая ночь.

С первыми проблесками рассвета послышались чьи-то шаги. Несчастный, измученный, испачканный в пыли, выбившийся из сил лис поднял свою еще недавно такую красивую мор-

дочку и с ужасом увидел своего заклятого врага – лань с пятнистым детенышем! Домино при- таился, как мертвый, надеясь ускользнуть от внимания лани, но, увы, ее зрение и чутье были слишком остры. Она тотчас заметила лиса. С фырканием поднялась она на дыбы, вся шерсть ее ошетибилась, зеленые огоньки бешенства сверкнули в глазах, и она бросилась на пойман- ного зверя. Домино увернулся. Он отскочил, насколько позволяла цепь капкана, но дальше бежать не мог. Лань как будто знала это: теперь враг был в ее власти, и единственной ее мыслью было сокрушить его. Торжествуя легкую победу, она подпрыгнула, как прыгают лани, желая раздавить ядовитую змею, высоко над головой Домино, чтобы обрушиться на него всей своей тяжестью. Он дернулся было в сторону. Спасения не было, и копыто изо всех сил ударило... но – о, счастье! – не лиса, а мимо, по пружине страшного капкана. Стальные челюсти широко раскрылись, и Домино был свободен.

Собрав остаток сил, он бросился к ближайшей изгороди и юркнул в щель. Лань несколько раз обегала изгородь кругом, но лису, несмотря на всю его слабость и изнеможение, все- таки каждый раз удавалось снова проскальзывать на другую сторону. Наконец, на его счастье, детеныш лани пронзительно закричал, призывая к себе мать, и та оставила преследование, а Домино, хромя, медленно поплелся домой.

Глупому нужно много раз попасться, чтобы научиться чему-нибудь, а для умного довольно и одного раза, чтобы стать еще умнее. Этих двух страшных уроков было совершенно достаточно для Домино. С тех пор он на всю жизнь понял, что не только нужно сторониться запаха железа и человека, но следует вообще остерегаться всех необычных запахов.

Необычные запахи таят в себе гибель.

XIV. Лето и девочка

Однажды, в начале лета, Домино ковылял на своих трех лапах около фермы, стоявшей на высоком бугре. Это был старинный дом с обширным садом и большим огородом, который тянулся почти до самого леса и занимал все открытое пространство вокруг дома. Тут легко было подойти незамеченным, и Домино бродил всюду, приняхиваясь ко всему, что останавли- вало на себе его внимание. Наконец он нашел прорытую курами лазейку под оградой и пролез в огород. В огороде он долго крался среди разросшейся ботвы картофеля, затем среди густых кустов смородины. Осторожно двигаясь вперед, он увидел в чаще что-то маленькое, черное и блестящее. Он остановился как вкопанный и вскоре понял, что это глаз индюшки, сидящей на яйцах.

Как раз у хвоста, в конце спины, у каждой лисы есть маленький пучок волос, который щетинится при возбуждении. Обыкновенно он бывает какого-нибудь особого цвета, но у сереб- ристой лисицы – всегда черный. Только по этому ошетинившемуся пучку можно было заметить волнение Домино при виде такой роскошной добычи. Но пока он еще стоял в нерешимости, сзади послышался какой-то звук, и, повернув голову, Домино увидел невдалеке маленького человечка.

– А, лисичка! Ты, кажется, собираешься напроказить? – сказала с упреком девочка.

Домино вздрогнул, услышав звуки человеческой речи. Он приготовился к прыжку, но не прыгнул. Девочка не казалась ему особенно опасной – она была такая маленькая. А индюшка была слишком соблазнительна.

Страх боролся в Домино с охотничьим инстинктом. Косясь на девочку, он шагнул к индюшке. Девочка вскрикнула и побежала. Этот крик решил дело: быстрым прыжком Домино скрылся в кустах. Индюшка была спасена.

В тот же вечер девочка спросила отца:

– Папа, если бы у тебя индюшка высиживала яйца в лесу, как бы ты защитил ее от лисиц, не вредя лисицам?

– Я положил бы вокруг несколько кусков железа, и тогда ни одна лиса не подошла бы близко, – ответил отец.

После этого девочка взяла в саду кусок цепи, сломанный сошник, подкову и разложила их вокруг гнезда индюшки.

Через несколько дней Домино опять пришел за индюшкой. Он хорошо запомнил место, где встретил такую лакомую добычу.

Он шел осторожнее, чем всегда: ведь здесь, рядом с индюшкой, он мог встретить человека. Однако, прежде чем индюшка успела поднять тревогу, обоняние и зрение предупредили его о присутствии опасных, пахнущих железом вещей. Он попятился и попробовал подойти с другой стороны, но и там оказался один из этих зловещих предметов. Голос благоразумия шептал: «Назад!» – и Домино ушел.

Девочка так и не знала бы об этом, но на другой день отец сказал: «А знаешь, дочка, ведь я сегодня утром видел свежие лисьи следы в картошке».

Таким образом, обманутый Домино принужден был оставить в покое индюшку, но вскоре он нашел другую добычу – курицу на гнезде. Одним укусом он перегрыз ей горло и потащил к себе, однако по дороге сообразил, что напрасно не воспользовался целой кучей яиц. Поэтому, зарыв курицу в листьях в лесу, он вернулся и, перетаскав яйца одно за другим на опушку леса, спрятал их там, отметив тайник выделением из своей мускусной железы, чтобы самому найти их впоследствии и чтобы другие лисицы знали, что это его собственность. Затем он вырыл курицу и отнес ее домой.

Куриные яйца могли долго пролежать и подвергнуться множеству изменений, прежде чем понадобятся Домино. Но зато на случай нужды они всегда были наготове, и в голодное время он, конечно, съел бы их даже тухлыми.

Домино прятал добычу уже не первый раз. Некоторые лисы не прячут пищи, но только потому, что они плохие добытчицы и никогда не имеют что спрятать. Те же лисы, которые охотятся успешно, быстро усваивают привычку прятать добычу.

Месяц спустя внимание Домино привлекли ягоды терна, которых в тот год уродилось необычайно много. Он пожевал и проглотил одну-две ягодки. Однако они не особенно ему понравились, потому что он был в это время сыт и жирен. Тем не менее его забавляло подпрыгивать и срывать красные гроздья. Сперва он просто разбрасывал их, затем накидал целую кучу. Наконец все-таки инстинкт накопления взял верх: он зарыл эту кучу в листья и оставил мускусную заметку на соседнем пне.

В случае нужды он мог бы отыскать этот запас ягод даже под снежным сугробом.

XV. Наследник Домино

В это лето Домино, хромой, не мог бегать скоро, но, на его счастье, и враг его, быстроногая Гекла, тоже был еще калекой. Домино приходилось добывать пищу для своих детей, а мать-природа в этом году была особенно щедра, охота удавалась на славу, и каждый день он приносил домой живую дичь; то это была просто какая-нибудь лягушка, из-за которой малышам приходилось проделывать целый ряд головокружных прыжков, прежде чем она давала себя поймать; то жирная полевая мышь, которая забиралась под листья, и лисята успевали нахватать полные рты песка и травы, прежде чем какому-нибудь счастливцу удавалось наконец схватить юркого зверька. Но однажды отец принес им для упражнения другого рода добычу.

Домино наметил свою жертву, бродя в тумане около реки. Животное, которое он выслеживал, ходило сначала по воде на мелком месте, а затем взобралось на лежавшую в реке колоду и уселось на ней, искусно открывая и пожирая ракушки. Это была громадная вухоль. Своими крепкими желтыми зубами она с треском разгрызала створки раковин и из-за этого шума совсем не слышала, как подкрался к ней наш охотник. Мелькнул черный мех, и через несколько

мгновений борьбы Домино уже держал выхухоль за шею. Напрасно она извивалась, пищала и скрежетала острыми, как резец, зубами: он бежал во всю прыть и через двадцать минут был уже у норы.

Услышав хорошо знакомое фыркание отца, лисята стремглав выскочили из норы, толкая друг друга. Отец выпустил добычу. Лисята тотчас же кинулись на нее, но это была живая выхухоль, а выхухоль сопротивляется отчаянно. Она бросалась то туда, то сюда, расшвыривая в стороны лисят, которые прыгали вокруг нее, как собаки вокруг медведя, и с визгом отскакивали прочь, отведая ее острых зубов. Только один из них не отступил перед выхухолью даже после трех схваток. Он был не больше ее самой и не больше своих братьев, но, очевидно, обладал врожденной отвагой, и, пока остальные стояли кругом, он продолжал сражаться. Это был поединок на жизнь и на смерть. Лисенок подбирался все ближе к голове выхухоли и наконец впился врагу прямо в горло. Он держал выхухоль за горло, пока не прикончил ее, и после этого вся семья принялась за пиршество.

Родители спокойно смотрели на эту битву. Какое же чувство удерживало их от вмешательства и почему они не умертвили выхухоль сами? Быть может, дело станет яснее, если мы спросим себя, зачем отец-человек дает сыну решать задачу, легкую для него самого, но трудную для мальчика.

Этот смелый лисенок не был самым большим, но он был одним из самых темных. Он вырос впоследствии достойным наследником своего отца, и желающие могут прочесть его историю в летописях верховьев Шобана.

«Месяц Гроз» медленно подходил к концу, и лисята уже заметно подросли. Некоторые из них были теперь ростом с мать, и тут начался неизбежный распад семейных уз; сперва самый большой из братьев, а затем и сестры стали чаще и чаще охотиться самостоятельно и не приходили домой по нескольку дней. Так они все более отвыкали друг от друга, и наконец, к концу «Красного месяца жатвы», все разбрелись в разные стороны. В норе остались только Домино и Белогрудка.

К началу осени лапа Домино совсем зажила, и он по-прежнему стал самым быстроногим лисом Голдерских холмов. Как прежде, он мог удрать от любой собаки. Теперь он снова был в полном расцвете сил и вполне владел своим величайшим даром – быстротой. Во всех окрестных горах не было ни одной лисицы, которая могла бы поспорить с ним в беге, и ни одной собаки, которой он опасался бы. Легкие его, казалось, обладали беспредельной выносливостью, а ноги были так же крепки, как легкие. Он сам наслаждался своей быстротой.

Часть третья

Испытание и торжество

XVI. Дикie гуси

Каждый год весной и осенью на Голдерские холмы прилетали стаи длинношеих диких гусей, оглашая воздух громкими криками. Они не оставались тут надолго, но все-таки появление их всегда привлекало сюда охотников.

Домино давно чутьем угадывал, что гуси – хорошая дичь, но однажды он убедился в этом на деле, найдя в болоте только что убитого гуся, который успел уйти от подстрелившего его охотника и околел в болоте. В тот день Домино и Белогрудка сытно пообедали.

Гуси паслись в поле и на болоте. Домино не раз пробовал подкарауливать их, но осторожность и проворство этих птиц были необычайны: с таким же успехом он мог бы охотиться за ними на широкой глади озера. Однако существует такой способ охоты, который дает возможность охотнику близко подходить к сидящей птице или к притаившемуся зайцу. Вот этот способ и применил Домино в охоте на гусей.

Небольшая стайка гусей паслась на сжатом поле. Домино и Белогрудка целый день рыскали по берегу реки в кустах, высматривая, где бы удобнее подобраться к гусям. Но со всех сторон гусей защищало открытое пространство, и все время, оберегая стаю, какая-нибудь длинная шея торчала кверху, подобно сторожевой башне. Тогда лисья пара затеяла игру, которая применяется с незапамятных времен, неведомо кем придуманная.

Домино спрятался в кустах, на одном конце сжатого поля, а Белогрудка отправилась на другой конец и там, выйдя на открытое место, начала проделывать разные забавные штуки: она то каталась по земле, то кувыркалась в воздухе, то распластывалась на животе и виляла хвостом. Гуси повернули головы в ее сторону, дивясь, что за странное представление дает им лиса. К тому же лиса была далеко и не внушала им никакого опасения. Любопытство птиц было сильно возбуждено, и они продолжали глазеть, а Белогрудка, пользуясь этим, с каждым прыжком все приближалась к ним. Наконец всегда подозрительный старый гусак заметил ее хитрость и, не подавая виду, не поднимая тревоги, так как не было еще ничего особенно опасного, отошел на несколько шагов. Прочие гуси – очевидно, его семья – отступили вместе с ним. Но глупая лиса продолжала кататься и кувыркаться по земле, как гонимый ветром клочок сена. Все это было очень забавно, но старый гусак не поддавался на ее хитрости и с каждым коварным движением лисы продолжал отступать все дальше.

Таким образом игра тянулась несколько минут, и в конце концов гуси были отеснены почти к самому концу поля. Они уже собирались было взлететь, но сделали еще несколько последних шагов, отделяющих их от кустарника. Тут Домино, как ястреб, бросился на них и, прежде чем гусак успел подскочить, схватил его за горло.

Это была самая удачная совместная охота Домино и Белогрудки. Она их сблизила еще более, и все чаще стали они сражаться плечом к плечу в битве жизни.

XVII. Губитель овец

Зима прошла гораздо благополучнее, чем обыкновенно, так как привычка делать запасы спасла Домино и его подругу от голода, хотя, надо признаться, спрятанные впрок плоды и рыба к зиме так испортились, что даже лисицы ели их с отвращением. Миновала пора любви и уже близилась весна, когда однажды на пути через горы домой Домино пришлось быть свидетелем гнусного злодеяния. Он теперь становился уже опытным лисом, а опытный лис никогда не

переступает вершины холма, не заглянув предварительно через нее. И вот, подняв потихоньку голову над одной такой вершиной, Домино увидел внизу, на огороженной и защищенной от ветра площадке, стадо овец, метавшихся как безумные. За овцами гонялась громадная черная собака. Это был старый враг Домино – Гекла.

Две-три овцы уже валялись мертвые, и Домино видел, как чудовище уложило еще одну. Собака хватала овец за горло, валила на землю и долго терзала. Из раны била горячая кровь. Затем собака принималась за другую овцу.

Не ужас, а любопытство, смешанное с удивлением, приковало Домино на месте. Гекла уже гонялась за новой овцой, когда раздался выстрел и пуля ударила в скалу над головой злодейки. Окровавленная собака отлично сообразила, что ее ждет. Она спрыгнула в овраг и под прикрытием его пустилась со всех ног прочь, никем не замеченная, так что никто не мог пожаловаться на нее хозяину.

Домино тоже побежал через поле, но его, на беду, заметили. Вбежав за ограду, пастух увидел дюжину зарезанных овец, но не нашел собачьих следов, потому что метавшееся в панике стадо затоптало их. Все улики против Домино были налицо. Много овец пострадало уже и до того, и пастух, поклявшись жестоко отомстить всем лисицам, задумал против них ужасный план.

Сначала он находил мало сторонников своего плана, но в марте было зарезано еще несколько овец, в том числе несколько молодых ярок. Многие утверждали, что видели крупные собачьи следы на месте преступления. Но большинство все-таки поверили, что это дело лисиц, и с величайшей готовностью согласились участвовать в облаве. Они были убеждены, что злодей – черно-бурый лис.

XVIII. Спаситель Белогрудки

Все население верховьев Шобана было на ногах. Устраивалась грандиозная облава на лисиц. Люди, у которых пропали овцы, шли с целью убить лису-злодейку. Молодежь смотрела на облаву, как на интересный спорт. Всех привлекало еще и то, что наградой за труды была великолепная шкура черно-бурой лисицы.

– Я уж знаю, что сделать с денежками, если они мне достанутся, – говорил один.

– А ведь недурно было бы за один день охоты заработать денег на выкуп всей нашей фермы! – замечал другой.

– Ну, уж я обзаведусь парой хороших лошадей за эту черную шкурку, – мечтал третий.

Джюксы не принимали участия в этой затее: у них не пропало ни одной овцы, да, кроме того, они были не в ладах с Бентонами. Абнер Джюкс вдобавок был занят на другой охоте, и его Гекла, конечно, тоже не разделяла забот врагов своего хозяина.

Американские фермеры охотятся на лисиц довольно варварским способом. Каждый участник берет с собой ружье; цель охоты состоит в том, чтобы убить лису, не портя ее шкурку. Поэтому обычно человек двадцать берут с собой всего одну свору. Такова была и охотничья компания, выступившая в поход в одно мартовское утро.

Обычно лисы роют каждый год новую нору, но иногда они возвращаются и в старую, если она оказалась спокойным убежищем, оставившим приятные воспоминания. В осиновой ложбинке еще никто не заметил жилища Домино и Белогрудки благодаря их неустанной осторожности, и потому в марте они снова принялись приводить в порядок свою старую нору и готовить ее для вновь ожидавшегося прибавления семейства.

Решив устроить тут свой дом, они старались не привлечь к этому месту внимания врагов. Они приходили и уходили с величайшими предосторожностями и охотились только вдали от дома.

Когда началась облава, Белогрудка бродила в верховьях реки. Собаки тотчас напали на ее след, подали голос и пустились вдогонку. Обычно фермеры не пытаются скакать за собаками. Они рассыпаются в начале охоты по высоким местам с хорошим кругозором и, определив по лаю собак направление гона, спешат занять господствующие над местностью позиции и узкие долинки между холмами, чтобы стрелять в лису, когда она будет пробегать мимо.

Услышав лай собак, охотники взобрались на самые высокие наблюдательные пункты, чтобы определить, куда собаки гонят зверя, и затем занять ту позицию, которая наиболее выгодна для обстрела.

Заслышав приближающийся собачий лай, Белогрудка тотчас же сообразила, в чем дело, и пустилась вниз по долине Бентонского ручья. Перебежав несколько раз по сваленным стволам то на тот, то на другой берег ручья с верным расчетом задержать этим собак, она помчалась во всю прыть, чтобы подальше уйти от собак и дать остыть своему следу. В сухой день след ее, вероятно, был бы совершенно потерян. Но, на ее несчастье, в этот день дул теплый ветер, снег лежал глубокий и сильно таяло. Ручей превратился в шумящий поток, снег был рыхлый, и лисица проваливалась на каждом прыжке. Собаки пошли по горячему следу. Их длинные лапы давали им большое преимущество перед лисицей.

Белогрудка бежала все тише, и выигранное ею вначале расстояние стало заметно уменьшаться. Пока она еще не попалась никому из стрелков, но было ясно, что долго ей не выдержать. По мере того как пригревало солнце, снег делался все мягче, и постепенно хвост ее стал опускаться.

Хвост для лисицы поистине может представлять большую опасность, и положение его служит показателем ее силы. Сильная, храбрая лиса во время преследования поднимает свой хвост. Когда она падает духом, хвост опускается, причем в сырую, снежную погоду он намокает и никнет еще больше. Потом он начинает волочиться по земле, пропитывается водой и слякотью и превращается в тяжелый якорь, который лишь ускоряет печальный конец. Поэтому мужественный зверь выживает долее, а слабый духом падает на пути.

У Белогрудки не было недостатка в храбрости, но снег был очень мокрый и глубокий, а она к тому же через несколько дней ожидала появления новых малюток. Неудивительно, что при таких условиях она наконец отчаялась. В это время ей опять пришлось перебираться через разлившийся ручей по тонкому деревцу. Она поскользнулась и упала в воду. Конечно, она скоро выбралась на берег, но теперь вся ее шерсть намокла, и дело было совсем плохо. Всякая надежда, казалось, погибла. Добравшись в изнеможении до следующего холма, она, полная отчаяния, громко закричала. Этот крик был услышан: в ответ раздался уверенный, короткий лай, и Домино, сильный и отважный, вылетел ей навстречу. Белогрудка не могла рассказать ему о своей беде, да в этом не было и надобности. Он и без того все понял и поступил так, как может поступить лишь самый лучший, благороднейший друг: он взял всю опасность на себя и пошел по ее следу навстречу гнавшимся за ней собакам. Это не значит, что он решил пожертвовать собою, – нет, он просто чувствовал в себе достаточно сил, чтобы перехватить свору и увлечь ее далеко в сторону. Пока псы будут гоняться за ним, Белогрудка спокойно уйдет к себе домой.

XIX. Испытание мужества

Домино пробежал навстречу своре около полумили и остановился. Теперь свора была очень близко, шагах в трехстах. Она быстро приближалась, и вот уже всего двести шагов отделяли ее от лиса, а он все еще стоял. Наконец он повернулся и стал уходить обратно, держась пока следа Белогрудки. Однако он все еще не спешил. Чего ради? Может быть, для того, чтобы своими глазами убедиться, куда бегут собаки, или, может быть, для того, чтобы они его увидели. И вот они увидели друг друга. Собаки залились оглушительным лаем, оставили прежний

след и пустились за лисом, который быстро исчез. На том месте, где он стоял, они почуяли запах зверя и, надо отдать им справедливость, тотчас же поняли, что оставляют след самки и идут за сильным самцом. Однако природный инстинкт подсказал им, что именно так и следует поступить.

Домино сначала уходил медленно, желая убедиться, что собаки идут за ним. Он даже показался им еще раз и окончательно удостоверился, что погоня направилась за ним. Тогда он быстро повел свору далеко в сторону от той дороги, по которой шла домой его подруга.

Когда Домино перебежал открытое пространство, его заметили в бинокль охотники, и дикая радость обуяла их, когда они увидели, что собаки подняли черно-бурого лиса. Фермеры хорошо знали местность, им были известны все проходы. Раздался громкий выстрел, и Домино почувствовал жгучую боль: одна дробинка попала ему в бок, причинив неглубокую, но болезненную рану. Черный лис не видел охотников, но теперь он уже знал, с кем имеет дело.

Можно было предположить, что Домино непременно пересечет какую-нибудь долинку, но он понимал, что на этот раз ему нужно во что бы то ни стало держаться возвышенностей. Проскакав три мили, он круто свернул в поле и шесть миль бежал по линии железной дороги. Пробежав целую милю за стрелку и оставив собак далеко позади, он по рельсам вернулся обратно к стрелке и оттуда направился по боковой ветке в сторону. Сделав порядочный крюк, он безбоязненно повернул домой, усталый, с ноющей раной, но по-прежнему неся высоко свой хвост, как подобает победителю.

Он пересек всю местность в верховьях Шобана и, голодный, направился в лес, чтобы отыскать там спрятанную про запас пищу, как вдруг услышал звуки, от которых сердце его тревожно забилося. Обогнув холм, он увидел свору собак – другую, свежую свору, по крайней мере штук тридцать, с дюжиной следовавших за ними верхом охотников. Дикий лай псов, несомненно, показывал, что они напали на его след и шли за ним. В другое время для Домино, пожалуй, было бы нетрудно уйти от такой своры собак, но теперь силы были неравны.

Он был утомлен и голоден, лапы у него были натружены многочасовой гонкой, в ране чувствовалась жгучая боль, – он жаждал отдыха. Охота эта была настоящая, без ружей: охота ради травли, а не ради шкуры. И кто упрекнул бы черно-бурого лиса за то, что на этот раз он пустился от преследователей хотя и быстро, но без того увлечения, с которым мчится бегун, уверенный в победе?

Домино не был хорошо знаком с этими холмами, находившимися далеко от обычно посещаемых им мест.

Холмы, которые он знал, остались в нескольких милях позади, и между ними сидели охотники с ружьями, которые были бы только рады воспользоваться помощью свежей своры собак. Никогда еще Домино не проявлял так мало хитрости, убегая от преследователей, как в этот раз, но никогда еще он не напрягал так все свои силы и не бежал так быстро. Час за часом он все скакал и скакал с одного холма на другой.

Но солнце продолжало пригревать и превратило в слякоть весь снег в лесах. Все канавы были полны холодной, как лед, водой. Все ручейки разлились. Даже на твердом льду выступили лужи, и пышный хвост лиса – знамя его мужества – был теперь забрызган водой и грязью и начал опускаться от собственной тяжести.

Домино знал, что и теперь он мог еще загнать собак до изнеможения, как это бывало прежде, но все же на этот раз он жаждал ночи. Ночь принесет мороз, а мороз принесет твердую кору на снегу. Вот тогда он мог бы быть совершенно спокоен за свою судьбу.

Пока, однако, он все еще продолжал нырять между холмами. Его беспримерная быстрота сократилась теперь наполовину, но и собаки тоже начали выбиваться из сил. Снег и разлившиеся ручьи утомили и охотников. Только двое из них еще продолжали гнаться за лисом – хозяин собак и высокий юноша по имени Абнер Джюкс. Лишь ему было известно, что лисица, которую они травят, и есть знаменитый голдерский черно-бурый лис.

Все-таки преимущество было на стороне собачьей своры, которая приближалась. Домино уже не мог сдвоить след, и самым благоразумным оставалось бежать прямо. Он и бежал вперед, вперед, но все тише и тише, все более короткими скачками, начиная задыхаться. Так он миновал одну ферму, другую и вдруг у ворот третьей увидел девочку с корзинкой.

Неизвестно, что побуждает иногда дикое животное в отчаянии искать защиты у человека. Но голдерский лис кинулся, ослабевший, к девочке и прижался к ее ногам. Та схватила его, втащила в дом и захлопнула дверь перед самым носом осатаневшей своры.

Собаки прыгали и бешено лаяли вокруг дома.

Прискакали охотники, пришел и хозяин фермы.

– Он наш, он принадлежит нашим собакам. Они загнали его сюда, – сказал главный охотник.

– Он в моем доме, и он теперь мой, – возразил фермер, совершенно не узнавая черно-бурого лиса в забрызганном, выпачканном красной глиной беглеце.

Хотя у фермера также пропадали куры, овладеть лисицей он не особенно стремился, так как шкура зверя казалась теперь совершенно испорченной и потерявшей всякую ценность.

– Ну, так и быть, получайте вашего лиса, – сказал он наконец охотнику.

Но тут девочка заплакала.

– Не отдавай, не отдавай его, он мой! – кричала она. – Он сам прибежал ко мне. Не смейте убивать его!

Фермер заколебался.

– Мы поступим с ним честно, – сказал успокоительно охотник. – Мы дадим ему убежать вперед дальше, чем он был, когда мы его нагнали здесь.

Фермер поспешил уйти, чтобы не видеть происходящего. Он, пожалуй, забыл бы бедного, загнанного зверя, искавшего убежища в его доме, но он не в состоянии был забыть детских криков, звеневших у него в ушах: «Не смейте, не смейте! Он мой! О папа, папа! Они убьют его! Папа, папочка!»

И не у одного только отца этот отчаянный детский вопль оставил в сердце глубокий след.

XX. Река и ночь

Но охотники все-таки унесли Домино, отпустили и дали отбежать на «законную» четверть мили. Это они называли «поступить честно» – выпустить три десятка сильных собак на одну измученную лису! Долина снова огласилась лаем. Опять Домино поскакал по глубокому мокрому снегу, и вначале ему удалось уйти далеко вперед.

Он пробежал длинную долину Бентонского ручья, миновал склоны холмов, перебрался через их вершины и направился уже обратно, как вдруг со двора одной фермы выскочила все та же ненавистная Гекла и присоединилась к гнавшейся за ним своре. Высокий охотник приветствовал ее появление дружеским криком. Как мог теперь спастись Домино, когда враги его получили третье свежее подкрепление? Оставалась только одна надежда: близость ночи, если только она будет морозная.

Но вечером ветер стал еще теплее. Воды Шобана, над которым целый день дул теплый ветер, неслись теперь к западу могучим, широким потоком, до краев наполняя долину и с треском увлекая с собой массу разбитого льда.

Солнце садилось вдалеке над водной гладью, и этот пылающий закат был великолепен, как блестящий конец благородной жизни. Но ни собаки, ни охотники не остановились, чтобы полюбоваться им: они спешили все вперед и вперед.

Собаки дышали тяжело, языки у них свисали до земли, и глаза были красны. Далеко впереди всех мчалась свежая собака – нежданно-негаданно появившееся чудовище, а перед ней неслись черно-бурый лис. Но теперь пышная шуба его была вся в грязи, роскошный хвост,

намокший в слякоти, волочился, а стертые до живого мяса лапы оставляли за собой кровавые следы.

Домино никогда еще так не уставал. Теперь ему представилась возможность достигнуть тропинки, ведущей на каменный карниз. Но возле этой тропинки был его дом, а неумолимый инстинкт всегда говорил ему: «Туда нельзя». Однако в последнюю минуту, побуждаемый отчаянием, он устремился к этому месту, как к единственному оставшемуся ему выходу. Собрав последние силы, он понесся по берегу могучего Шобана. На короткое время ему удалось вернуть свою прежнюю быстроту, и он был бы спасен, если бы не эта проклятая громадная собака, далеко опередившая всех псов.

Когда Домино уже приближался к скале, Гекла залаяла. Домино узнал страшный, металлический голос собаки, и трудно сказать, сколько силы и быстроты отнял у него этот звук. Теперь он был отрезан от скалы и принужден бежать обратно по берегу реки, вдоль шумно несшейся воды, освещаемой заревом заката. Всякая надежда пропала, но Домино все-таки продолжал бежать, и его фигурка, слабо мечущаяся из стороны в сторону, по-прежнему чернела впереди. Он был чуть жив от усталости, но все еще боролся за жизнь.

Высокий охотник – теперь уже единственный – подскочил ближе. Зная, что лисице пришел конец, он не мог оторвать глаз от двух темных пятен, двигавшихся на ослепительно ярком снегу, озаренном заходящим солнцем.

Торжествующий лай собачьей своры раздавался в ушах несчастной жертвы. Домино изнемогал. Пышный хвост, его краса и гордость, уже не реял в воздухе, а волочился по земле, мокрый и тяжелый, затрудняя и без того медленный бег. Собаки, видя близкую победу, мчались вслед, лая, как бешеные.

Домино бежал теперь, увы, по косе, которая полуостровом вдавалась в реку и, следовательно, была западней. Река обманула его. Собачья свора настигала лиса; впереди всех со злобным, глухим лаем мчалась Гекла, первая отрезавшая ему всякое отступление. Все было видно как на ладони: большая прибрежная отмель, усеянная бегущими лающими собаками, широкая река с несущимися по ней льдинами. И сзади и впереди – везде верная смерть. Слабый тут пал бы духом и погиб, но сильный продолжал держаться, несмотря ни на что.

Воющая свора с Геклой во главе уже достигла начала косы и быстро неслась по ней. С бешеным ревом мчалась река мимо поросшего осиной берега. Собаки усеяли берег, как льдины усеяли реку. Все теснее набегали льдины и наконец, столкнувшись в одну сплошную массу, на минуту с треском коснулись берега. И тут Домино сделал то, на что решилась бы далеко не всякая лисица. Он оглянулся на собак, глянул на льдины и... прыгнул. Очутившись на льду, он потихоньку стал перескакивать с льдины на льдину.

Но тут ледяной затор рухнул и, оторвавшись, поплыл далее. Между льдом и берегом образовалась полоса черной воды, которая становилась все шире и шире. На самой дальней льдине, как на белом седле, покрывающем темную спину потока, стояла, изогнувшись, черная лисица. Свора с воем бессильной ярости остановилась на берегу, но Гекла, не помня себя, бросилась к краю ледяной гущи как раз в ту секунду, когда оторвавшийся лед уносил ее жертву. Река, неудержимая, неумолимая, быстро отделила от берега и ту льдину, на которой стояла собака. Так обе они – гонимая лисица и гонительница-собака – понеслись навстречу своей гибели. Они плыли по реке, освещенные заходящим солнцем, а по берегу за ними следовали собаки и юноша-охотник верхом на лошади.

Какой-то фермер из другой охоты, случившийся тут, прицелился было в лисицу, но юноша вышиб ружье из рук глупца и невольно крикнул «ура!». Крик замер, оставив свору в недоумении.

У поворота реки льдины достигли так называемой быстрины – длинного, ровного пространства воды перед тем местом, где река низвергается вниз, образуя Харнейский водопад. Юноша и собаки остановились, смотря на пылающий закат и на озаренную пурпуром реку,

покрытую блестящими льдинами, уносившими в гаснущее сияние два живых существа. Туман стал сгущаться над бурлящей рекой, и последние прорвавшиеся сквозь него лучи солнца ярко позолотили и реку, и лед, и черно-бурую лисицу, а затем огненное зарево заката скрыло все из глаз.

Бестрепетно гибнущий смельчак на дальней льдине не издавал ни звука, но ветер донес жалобный вой собаки, в котором слышался ужас смерти.

– Прощай, дружище! – сказал молодой охотник. – Прощай, моя славная собака! – Голос у него осекся. – Прощай, черно-бурый лис! Ты жил победителем, и ты умираешь победителем. Мне хотелось бы спасти вас обоих, но вы погибаете славной смертью. Прощайте!

Абнер уже не мог ничего больше разглядеть, а собаки стояли на берегу, дрожали и скулили.

У противоположного берега течение образовало широкий водоворот. Крутясь в водовороте, льдины, находившиеся у берега, постепенно выплывали на середину реки, а льдины с середины реки подошли совсем близко к берегу. Воспользовавшись благоприятной минутой, Домино собрал все свои силы и прыгнул на берег. Он благополучно перескочил через черный поток и очутился снова на твердой земле. Река, выручавшая лиса из беды в юности, спасла его и теперь.

А там, далеко, среди несущихся льдин, раздался протяжный, отчаянный вой погибающей собаки. Но его заглушил шум воды.

Мустанг-иноходец

I

Джо Калон бросил седло в пыль, пустил лошадей на свободу и с грохотом вошел в дом.

– Обед готов? – спросил он.

– Через семнадцать минут, – отвечал повар, взглянув на часы с важным видом начальника железнодорожной станции.

Повар был всегда чрезвычайно точен на словах, но на деле не соблюдал никакой точности.

– Ну, как дела? – спросил у Джо его товарищ Скрат.

– Превосходно, – отвечал Джо. – Скот, по-видимому, хорош, телят много. Я видел табун мустангов¹, который ходит на водопой к источнику Антилопы. Есть там и пара жеребят. Один маленький, черненький – красавец, прирожденный иноходец². Я гнался за ним около двух миль, и он все время вел табун, ни разу не сбиваясь с рыси. Я для забавы нарочно погнал лошадей, но так и не сбил его с иноходи!

– А ты не выпил ли чего-нибудь лишнего по пути?

– Сам-то ты разве не ползал вчера на четвереньках?

– Обедать! – крикнул повар, и разговор сразу прекратился.

На следующий день ковбои³ перебрались на другое пастбище, и мустанги были позабыты.

Через год скот снова пригнали в этот же уголок Новой Мексики, и ковбои опять увидели табун мустангов.

Черный жеребенок превратился уже в вороного годовалого коня на тонких, стройных ногах, с блестящими боками, и ковбои могли собственными глазами убедиться в странной особенности мустанга: он был в самом деле прирожденным иноходцем.

Джо тоже находился тут, и ему тотчас же пришла в голову мысль, что не худо было бы поймать эту лошадку. Жителя восточных штатов такая мысль не удивила бы, но на западе, где лошади стоят дешево, поимка дикого мустанга не может привлекать ковбоев. Поймать мустанга нелегко, но даже если это удастся, он до конца останется диким животным, совершенно бесполезным и неукротимым.

Многие скотоводы считают даже за правило убивать мустангов, так как мустанги не только портят пастбища, но подчас и уводят за собой домашних лошадей, которые быстро привыкают к дикой жизни и навсегда пропадают.

Дикий Джо Калон превосходно знал лошадей и все их особенности. Он говорил:

– Никогда я не видывал белой лошади, которая не была бы кроткой! Или гнедой – без норова... Ну, а вороная лошадь всегда упряма как осел и зла, как бес. Дай ей когти – и она справится даже со львом!

Итак, если мустанг – совершенно бесполезное животное, то вороной мустанг вдвойне бесполезен. Скрат не видел никакого смысла в желании Джо непременно завладеть и взнуздать этого годовалого мустанга.

Однако второй год Джо так и не удалось ничего предпринять.

Джо был простым пастухом, он получал двадцать пять долларов в месяц, и свободного времени у него было немного.

¹ Мустанг – дикая лошадь. (Здесь и далее прим. ред.)

² Иноходец – конь, который в беге один шаг делает одновременно двумя левыми ногами, другой – двумя правыми.

³ Ковбой – пастух, стерегущий стада верхом на лошади.

Как и большинство его товарищей, ковбоев, он мечтал о том, что когда-нибудь станет обладателем ранчо⁴ и заведет собственное стадо. У него было свое тавро⁵, зарегистрированное должным образом в Санта-Фе. Но единственный представитель рогатого скота в его стаде, на которого он мог наложить это тавро, был теленок, родившийся от одной старой коровы.

У Джо было законное право накладывать свое тавро на всякое неклеяемое животное. Однако, когда Джо получал свой расчет осенью, он никак не мог удержаться от соблазна «погулять в городе». Вот почему все его имущество состояло по-прежнему только из седла, постели и старой коровы. Но он не терял надежды, что удастся «выкинуть какую-нибудь штуку», которая даст ему возможность сразу разбогатеть. Однажды его осенила мысль, что вороной мустанг может принести ему счастье, и он стал выжидать удобного случая, чтобы завладеть им.

Но Джо еще ни разу не встречал вороного мустанга, хотя часто слышал о нем, так как жеребенок превратился теперь в сильного молодого трехлетнего коня, который уже обращал на себя внимание.

Источник Антилопы находился в открытой степи, на равнине. Разливаясь, он превращался в маленькое озеро, окруженное осокой; когда же вода спадала, оставалось лишь большое плоское пространство черного ила, на котором местами блестели белые пятна соли, а посередине, в углублении, журчал источник. Вода в нем была хорошая, питьевая. В этой местности не было другого водопоя на много миль кругом.

Эта степь стала излюбленным пастбищем вороного жеребца, хотя она постоянно служила выгоном и для коров и домашних лошадей.

Здесь паслись преимущественно клейменные стада. Управляющий Фостер, совладелец стад, был человек предприимчивый. Он уверял, что, если здесь развести улучшенные породы домашних животных, доходы повысятся. У него был уже десяток полукровных кобыл, высоких, хорошо сложенных, с глазами лани. Рядом с ними обыкновенные лохматые лошадки казались жалкими заморышами.

Одна из этих красивых кобыл всегда оставалась в конюшне для работы, но девять других, вскормив жеребят, обыкновенно разгуливали на свободе.

Лошадь всегда умеет отыскать дорогу к лучшему пастбищу. И девять кобыл легко нашли путь к источнику Антилопы. Когда позднее, летом, Фостер с товарищем отправился их разыскивать, он скоро их увидел. Но при них находился черный, как уголь, жеребец, оберегавший их, как хозяин. Он носился кругом, сгоняя их вместе, и его блестящая вороная масть резко отличалась от золотистой масти кобылиц.

Кобылицы были кроткого нрава, и, конечно, их нетрудно было бы загнать домой, если бы не вороной жеребец. Он, по-видимому, заразил своей дикостью и кобылиц, и они умчались, оставив далеко за собой неуклюжих лошадок с их всадниками.

Это взбесило обоих скотоводов. Они взялись за ружья и стали выжидать случая застрелить «проклятого жеребца». Но как стрелять, если девять шансов против одного, что пуля попадет в кобылицу?

Целый день прошел в бесплодных попытках. Мустанг-иноходец – это был он – не отпускал от себя своей семьи и вместе с нею скрылся среди южных песчаных холмов.

Раздосадованные скотоводы отправились домой на своих заморенных лошадках, поклявшись отомстить виновнику их неудачи.

Большой вороной конь с черной гривой и блестящими зеленоватыми глазами самовластно распоряжался во всей округе и все увеличивал свою свиту, увлекая за собой кобылиц из разных мест, пока его табун не достиг численности по крайней мере двадцати голов.

⁴ Ранчо – ферма в американских степях.

⁵ Тавро – клеймо.

Большинство кобылиц, следовавших за ним, были смирные, захудалые лошади, и среди них выделялись своим ростом те девять породистых кобыл, которых вороной конь увел первыми.

Табун этот охранялся так энергично и ревниво, что всякая кобыла, раз попавшая в него, могла уже считаться безвозвратно потерянной для скотовода, и сами скотоводы очень скоро поняли, что мустанг, поселившийся в их области, приносит им слишком большой убыток.

II

Это случилось в декабре 1893 года. Я был новичком в стране, когда выехал с фургоном из ранчо на Пиньяветитосе по направлению к Канадской реке.

Провожая меня в дорогу, Фостер сказал:

– Смотрите, если вам представится случай увидеть проклятого мустанга, не промахнитесь и всадите в него пулю.

Это было первое, что я услышал об иноходце, и только по пути узнал его историю от моего проводника, Бернса. Я сгорал от любопытства. Мне страстно хотелось увидеть этого знаменитого мустанга, и я был несколько разочарован, когда оказалось, что у источника Антилопы, куда мы пришли на другой день, нет ни мустанга, ни его табуна.

На следующий день, когда мы перешли реку Аламозо Арройо и снова поднимались к волнистой равнине, Джек Бернс, ехавший впереди, вдруг припал к шее своей лошади и, повернувшись ко мне, сказал:

– Приготовь ружье! Вон жеребец!

Я схватил ружье и поспешил вперед. Внизу, в овраге, пасся табун лошадей. Среди кобыл стоял большой вороной мустанг.

Он, вероятно, услышал шум нашего приближения и почуял опасность. Он стоял, подняв голову и хвост. Ноздри у него раздулись.

Мустанг показался мне образцом лошадиной красоты, самым благородным конем из всех когда-либо скакавших по степям, и уже одна мысль о том, что этот красавец может превратиться в кучу падали, была мне отвратительна.

Джек убеждал меня стрелять скорее, но я медлил.

Мой вспыльчивый спутник выбранил меня за медлительность. Сердито буркнув: «Дай мне ружье!», он схватил его, но я повернул ружье дулом вверх, и оно нечаянно выстрелило.

Табун встрепенулся. Вороной мустанг заржал, зафыркал и забегал вокруг табуна. Все кобылицы сгруппировались в круг и поскакали вслед за своим вожаком. Их скрыло облако пыли.

Жеребец скакал то с одной, то с другой стороны табуна. Он следил за каждой кобылой в отдельности и далеко угнал их.

Я не сводил с него глаз, пока он совсем не исчез вдаль; и, насколько я мог судить, он ни разу не сбился с шага.

Джек, конечно, не пожалел крепких выражений для меня, моего ружья и мустанга. Но, несмотря на его брань, я все же с радостью думал о красоте и силе этого вороного иноходца. Нет, я не стал бы портить его атласную шкуру из-за каких-то уведенных кобыл!

III

Существует несколько способов ловить диких лошадей. Один из них заключается в том, чтобы пулей задеть лошадь по затылку так, чтобы на миг оглушить ее, и тогда накинуть на нее лассо. Это называется «смять лошадь».

– Да, да! Я видал сотни раз, как люди ломали себе шею при этом, но не видал до сих пор ни одного мустанга, который был бы «смят», – критически замечал Дикий Джо.

Порой, если условия местности позволяют, табун загоняется в кораль (загородку). Имея в своем распоряжении хороших лошадей, можно иногда догнать табун, но самый простой способ, как это ни покажется невероятным на первый взгляд, – это «уходить» мустанга (загнать его до изнеможения).

Слава знаменитого жеребца, который никогда не сбивался с иноходи в галоп, все возрастала. О нем, о его быстроте, о его поступи и чутье рассказывали самые невероятные истории. Когда же старик Монтгомери из ранчо «Треугольник» вдруг явился в трактир Уэлса в Улейтоне и в присутствии свидетелей объявил, что даст тысячу долларов за этого жеребца, надежно запертого в фургоне, если только, конечно, все эти рассказы не вранье, то с десятков молодых пастухов загорелись желанием попытать счастья, как только кончится срок их договоров с хозяевами и они будут свободны.

Дикий Джо решил опередить всех. Больше нельзя было терять времени. И хотя срок его службы еще не кончился, он провел всю ночь в приготовлениях к охоте.

Он взял у приятелей взаймы немного денег и снарядил экспедицию из двадцати хороших верховых лошадей, кухонного фургона и запасов провизии на две недели для трех человек: самого себя, товарища Чарли и повара.

Покончив с этими приготовлениями, он выехал из Клейтона с твердым намерением «уходить» чудесного, быстрого иноходца. На третий день он уже достиг источника Антилопы и, так как приближался полдень, несколько не удивился, увидев, что вороной иноходец спускается к водопою вместе со всем своим табуном.

Джо спрятался и не показывался до тех пор, пока все лошади не напились, так как он знал, что животное, испытывающее жажду, всегда бежит лучше, нежели то, которое отяжелело от выпитой воды.

После этого Джо, выйдя из засады, спокойно поехал вперед. Мустанг подал сигнал к тревоге примерно за полмили от него и тотчас же погнал свой табун к юго-востоку, в заросли. Джо галопом помчался за табуном, пока снова не увидел его, затем вернулся и приказал повару, исполнявшему также обязанности кучера, ехать на юг, к реке Аламозо Арройо. Сам же он снова отправился к юго-востоку, следом за мустангом.

Проехав мили две, он опять увидел иноходца. Пустив шагом свою лошадь, он подъехал к лошадям так близко, что табун испугался и ускакал к югу. Но Джо поскакал наперерез и через час снова встретил табун. Он незаметно приблизился к лошадям, и опять повторилось то же самое: новая тревога и бегство. Так прошел весь день.

Мустанги описывали круги, постепенно двигаясь к югу, и, когда солнце уже спустилось к горизонту, они находились – на это и рассчитывал Джо – опять вблизи реки Аламозо Арройо. Мустанги снова были у него под рукой, и Джо, спугнув их еще раз, вернулся к фургону. Его товарищ, отдыхавший до тех пор, продолжал погоню на свежей лошади.

После ужина фургон двинулся к верхнему броду на Аламозо, как было условлено раньше, и там Джо расположился на ночлег.

Между тем Чарли следовал за табуном. Дикие лошади не убегали так стремительно, как вначале, потому что их преследователь не подавал виду, что хочет напасть на них, и они мало-помалу стали привыкать к его присутствию. Их легче было найти с наступлением сумерек,

так как в табуне была одна кобыла светлее других, выделявшаяся в темноте. Молодой месяц тоже помогал преследовать табун, и Чарли, полагаясь на чутье своей лошади, предоставил ей выбирать дорогу и спокойно скакать за табуном, среди которого виднелась, точно призрак, светлая кобыла. Наконец все потонуло в ночной темноте. Тогда он слез с лошади, расседлал ее и оставил пастись, а сам, завернувшись в одеяло, быстро заснул.

При первых же лучах зари Чарли был уже на ногах и с помощью светлой кобылы скоро нашел табун, проехав не более полумили. Увидев его, иноходец громко заржал, и табун обратился в бегство.

Но на первом же пригорке лошади остановились, чтобы посмотреть, кто это так упорно их преследует. Через минуту мустанг, решив, вероятно, что он узнал уже все, что ему нужно, распустил гриву по ветру и двинулся вперед своей неутомимой, ровной иноходью, словно черный метеор, увлекая за собой весь табун.

Лошади повернули к западу, и после нескольких повторений той же самой игры – бегства, погони, встречи и снова бегства – они достигли около полудня старой сторожевой вышки индейцев. Там их подстерегал Джо. Длинная, тонкая струйка дыма дала знать Чарли, что его ждут, и Чарли тотчас же дал ответный сигнал при помощи своего карманного зеркальца, отражавшего солнечные лучи. Джо вскочил на свежую лошадь и пустился в погоню, а Чарли сел поесть и отдохнуть.

Весь следующий день Джо гнал мустангов, стараясь удерживать их на окружности большого круга, по хорде которого двигался фургон. Перед заходом солнца он подъехал к переправе, где уже ждал его Чарли со свежей лошадью и пищей. Джо продолжал погоню весь вечер и даже часть ночи. Дикий табун, по-видимому, немного уже начал привыкать к присутствию безвредных незнакомцев. Кроме того, сказывалось и утомление. Табун уже не находился более в степях с хорошей, сочной травой, а лошади преследователей получали овес. Давало себя чувствовать также и постоянное нервное напряжение. Оно лишало диких лошадей аппетита, но усиливало жажду. Преследователи давали лошадям возможность пить много и часто. Напившейся лошади трудно бежать: ноги у нее становятся точно деревянные и дыхание затрудняется. Джо поэтому почти не поил свою лошадь. И он и его конь были вполне свежи, когда наконец остановились на ночлег.

На рассвете Джо легко отыскал мустангов. Они вначале пустились бежать, но скоро пошли шагом. Сражение, по-видимому, было уже почти выиграно, так как главная трудность такого преследования заключается в том, чтобы не терять из виду мустангов первые два-три дня, пока они еще не утомлены.

Все это утро Джо не упускал из виду табун и почти постоянно находился вблизи от него. Около десяти часов утра Чарли сменил его у горы Хозе. В этот день мустанги ушли от него вперед всего на четверть мили и передвигались уже далеко не с такой легкостью, как раньше.

К вечеру Чарли сел опять на свежую лошадь и продолжал погоню, как и раньше.

На следующий день мустанги шли уже понутив головы, и, несмотря на все усилия вороного иноходца, временами расстояние, отделявшее их от погони, было не более ста шагов.

Четвертый и пятый день прошли так же. Табун уже опять приближался к источнику Антилопы. До сих пор все шло так, как предполагалось: погоня описывала большой круг, фургон же двигался внутри по меньшему кругу. Дикий табун возвращался к источнику совершенно утомленный, охотники же ехали бодрые, на свежих лошадях.

В течение всего этого дня, до самого вечера, мустангов не подпускали к воде, а когда их наконец пригнали к источнику Антилопы, то дали им вволю напиться. Тут наступил для искусных охотников, лошади которых получали овес и берегли силы, ожидаемый миг столь долгой погони. Опившихся лошадей нетрудно бывает поймать и стреножить.

До сих пор все шло блестяще. Но вороной жеребец был как будто выкован из железа. Его непрерывный, плавный шаг не изменился и оставался все таким же, как в первый день охоты.

Он постоянно скакал взад и вперед вдоль табуна, побуждая его ржанием и собственным примером к бегству. Но силы лошадей уже истощились. Светлая кобыла, помогавшая охотникам отыскивать табун в темноте, была покинута табуном уже несколько часов назад и находилась при последнем издыхании. Остальные кобылы, по-видимому, уже потеряли всякий страх перед всадниками, и было ясно, что скоро они станут добычей Джо.

А жеребец, который был целью всех трудов, оставался недостижимым по-прежнему.

Товарищи Джо хорошо знали его вспыльчивый нрав и нисколько не удивились бы, если бы он в припадке внезапной ярости попытался застрелить непобедимого вороного жеребца. Но Джо был далек от этой мысли.

В течение всей недели гоняясь за ним, он ни разу не видел, чтобы вороной скакал галопом. Джо испытывал восхищение, свойственное всякому хорошему наезднику перед такой чудесной лошадей; это восхищение все возрастало, и он скорее готов был застрелить свою собственную лучшую лошадь, нежели это великолепное животное.

Стоило ли даже брать награду, назначенную за его поимку? Джо начинал колебаться. Сумма была не маленькая, но эта лошадь уже сама по себе представляла капитал, так как могла стать родоначальником породы иноходцев.

Но мустанг, за которого была назначена награда, все еще бегал на воле. Нужно было кончать охоту.

Джо оседлал свою лучшую лошадь. Это была кобыла восточной крови, но выросшая в прериях. Конечно, Джо никогда не мог бы приобрести такую прекрасную лошадь, если бы не одна странная слабость, которой она была подвержена. В этих краях растет ядовитая трава, называемая локо. Обычно скот никогда не ест этой травы, но если случайно какое-нибудь животное попробует ее, то оно начинает отыскивать ее повсюду. Действие этой травы отчасти похоже на действие морфия, и лошадь, пристрастившаяся к ней, года через два погибает от бешенства. Про такое животное местные жители говорят, что оно «одержимо локо». И лучшая лошадь Джо имела в глазах дикий блеск, который указывал знатоку, в чем тут дело. Но это была сильная и проворная лошадь, и поэтому Джо выбрал ее для окончания охоты.

Джо поскакал вперед, к табуну. Он бросил лассо на землю, потащил его за собой, чтобы выровнять веревку, затем обмотал его аккуратными петлями вокруг ладони левой руки и, в первый раз за всю охоту прищпорив лошадь, пустился прямо к жеребцу.

Началась бешеная скачка. Перепуганные кобылы бросились в разные стороны, уступая дорогу. Свежая лошадь скакала галопом по степи, а впереди нее, сохраняя прежнее расстояние, бежал жеребец, как и прежде не сбиваясь со своей знаменитой иноходи.

Это было просто невероятно. Джо подстрекал и голосом и шпорами свою лошадь. Она летела, как птица, но расстояние между нею и жеребцом не уменьшалось ни на один дюйм.

Вороной миновал равнину и холм, поросший травой, спустился на предательскую песчаную поляну и оттуда – в луговую полосу, где его встретили лаем сурки. Джо скакал вслед за ним. Он едва верил своим глазам. Расстояние между ними и жеребцом не только не уменьшилось, но даже как будто увеличилось. Джо проклинал судьбу, шпорил и понукал свою бедную лошадь и довел ее наконец до крайнего возбуждения. Глаза несчастного животного блуждали, голова качалась в разные стороны, и лошадь уже не смотрела на землю, не выбирала дорогу. И вдруг нога ее провалилась в барсучью нору. Лошадь упала, а вместе с нею полетел на землю и всадник. Джо больно ушибся, но все же поднялся на ноги и попытался поднять свою ошеломленную лошадь. Бедняжка сломала себе ногу.

Джо прекратил выстрелом из револьвера страдания своей легконогой лошади и отнес седло назад в лагерь. А иноходец между тем продолжал бежать, пока не скрылся из виду...

Нельзя было все же считать это поражением, так как у них в руках оказались кобылы. Джо вместе с Чарли отвел их в кораль, к их хозяину, и потребовал хорошей награды.

Но для Джо этого было мало. Он мечтал овладеть жеребцом. Теперь, когда ему стали известны все его достоинства, он старался придумать какой-нибудь новый план.

IV

Поваром в этой поездке был Бэтс – мистер Томас Бэтс, как он называл себя в почтовом отделении, куда являлся регулярно за письмами и денежными переводами, которых никто никогда и не думал посылать ему. Ковбои прозвали его Том Индюшиный След, потому что его тавро имело форму индюшиного следа. Бэтс уверял, будто это клеймо носят на своих боках бесчисленные стада коров и лошадей, пасущиеся среди неведомых северных равнин.

Когда Бэтсу предложили участвовать в этой экспедиции пайщиком, он насмешливо заметил, что лошадей продают теперь по двенадцати долларов за дюжину. Действительно, в том году лошади стоили очень дешево, поэтому он предпочел получать жалованье, хотя бы и очень небольшое.

Но никто, видевший хотя бы только один раз иноходца, не мог остаться к нему равнодушным. Так случилось и с Индюшиным Следом. Теперь он сам пожелал сделаться хозяином этого мустанга, однако не знал, как добиться этого. Но однажды он повстречался с неким Биллом Смитом, более известным под кличкой Билл Подкова, потому что тавро его скота имело форму подковы. Поедая мясо и хлеб, запивая его дрянным кофе, Билл Подкова сказал:

– Я видел сегодня этого иноходца, да притом так близко, что мог бы заплести ему хвост!

– И ты не стрелял?

– Чуть было не выстрелил.

– Дурак! – вмешался сидящий на другом конце стола пастух, владевший тавром «двойное Н». – Я думаю, что этот жеребец будет носить мое тавро еще до новолуния.

– Тебе придется поспешить, иначе ты найдешь «треугольник с точкой» у него на боку, когда снова с ним встретишься.

– Где же ты встретил его?

– Вот как было дело. Я ехал по степи у источника Антилопы и вдруг увидел, что на высохшем иле среди зарослей камыша что-то лежит. Я думал, что это какая-нибудь корова из нашего стада, подъехал ближе и увидел лошадь, лежавшую плашмя. Ветер дул от нее ко мне, и потому я мог подъехать совсем близко. И что же я увидел? Это был иноходец, мертвый, как пень! Однако он не был вздут, как это бывает с трупом, и я не заметил, чтобы он был ранен. Не ощутил я также и никакого дурного запаха. Я не знал, что и думать, как вдруг, вижу, он дернул ухом, на которое села муха. Тут я понял, что он не мертв, а только спит. Тогда я снял веревку и свернул ее, но тут заметил, что веревка стара и перетерлась местами. Подпруга была у меня тогда одна, и я подумал, что моя лошадь весит около семисот фунтов, а жеребец – тысячу двести. Поэтому я и сказал себе: «Не стоит пробовать! Я только порву подпругу, упаду сам и потеряю седло». Я стукнул по луке седла рукояткой плети – и... посмотрели бы вы на мустанга! Он подскочил в воздух по крайней мере на шесть футов и бросился со всех четырех ног, фыркая, точно паровоз. Его глаза готовы были выскочить, и он мог ускакать прямо в Калифорнию. Он уже там, должно быть, если только не убавил хода. Но я клянусь, что он ни разу не сбился с иноходи!

Рассказ этот Билл то и дело пересыпал разными крепкими словечками. При этом он усердно жевал и глотал, так как был человек здоровый. Все ему поверили, потому что Билл пользовался репутацией надежного парня, которому можно верить. Из присутствовавших один только старик Индюшиный След ничего не сказал, но слушал он, как видно, внимательнее всех, так как рассказ этот подсказал ему новый план.

Покуривая свою послеобеденную трубку, он обдумал этот план как следует, но, решив, что ему одному не справиться с ним, посвятил в свою тайну Билла Подкову. Таким образом, составилось новое товарищество для ловли иноходца, или, другими словами, для получения награды в тысячу долларов, обещанных за него.

Источник Антилопы оставался по-прежнему привычным водопоем для мустанга. Уровень воды упал, и между осокой и водоемом образовался широкий пояс высохшего черного ила. В двух местах этот пояс пересекали тропинки, проложенные дикими животными, приходившими сюда на водопой. Лошади и дикие звери обыкновенно придерживаются таких тропинок, рогатый же скот пробирается прямо сквозь заросли осоки.

Выбрав одну из этих тропинок, оба приятеля взялись за работу и выкопали лопатами яму длиной в пятнадцать футов, шириной в шесть и глубиной в семь. Им пришлось проработать двадцать часов без отдыха, так как надо было все закончить в промежутке между двумя водопоями мустанга. Работа была очень тяжелая. Когда яма была вырыта, ее искусно закрыли жердями, хворостом и землей, так что она стала совсем незаметной. Покончив с этим делом, оба приятеля спрятались на некотором расстоянии в ямах, приготовленных ими для себя.

Около полудня к водопою явился инокходец. Он был теперь один, так как его табун находился в плену. У противоположной стороны источника была вторая тропинка, но, судя по следам, лошади редко пользовались ею. И все же старый Том из осторожности забросал ее камышом, чтобы инокходец непременно пошел по той тропинке, где была вырыта яма.

Какой недремлющий гений охраняет безопасность диких животных? Инокходец пошел не через яму, а через камыши. Он спокойно подошел к воде и начал пить.

Ловцам оставалось еще одно средство. Когда инокходец наклонил голову, чтобы вторично потянуть воду, Бэтс и Смит выскочили из своих ям, быстро забежали в тыл мустангу и выстрелили из револьвера в землю позади него.

Мустанг понесся своей знаменитой иноходью прямо к устроенной для него западне. Еще секунда – и он должен попасть в яму! Вот он бежит по тропинке, где вырыта яма... Охотники считают его уже пойманным. Он скоро будет в их руках.

Но свершилось невероятное. Одним могучим прыжком инокходец перескочил яму и, взрывая землю копытами, исчез вдаль. Он умчался, чтобы не возвращаться больше к источнику Антилопы.

V

Дикий Джо был человек предприимчивый. Он хотел во что бы то ни стало поймать мустанга и, когда узнал, что и другие тоже добиваются этого, немедленно приступил к выполнению нового плана. Он решил испытать тот способ, к которому прибегает шакал, чтобы поймать быстрого кролика, а индеец – чтобы поймать антилопу. Этот старинный способ называется «охотой с подставой».

Область, по которой бродил мустанг-иноходец, представляла собой треугольник в шестьдесят квадратных миль, ограниченный с юга и с севера реками, а с запада – горами. Предполагалось, что мустанг никогда не уходит за пределы этой области, а источник Антилопы всегда служит ему главной квартирой.

Джо хорошо знал эту местность. Он изучил все ее родники и все ущелья.

Если бы он имел в своем распоряжении пятьдесят хороших лошадей, он мог бы распределить их таким образом, чтобы все важные пункты оказались занятыми. Но он смог бы получить только двадцать хороших лошадей и столько же хороших всадников. На большее ему рассчитывать не приходилось.

Лошадей кормили овсом в течение двух недель до начала охоты. Затем они были посланы вперед, и каждому из всадников были даны подробные указания, что ему надо делать. Они были на своих местах за сутки до погони.

В назначенный день Джо отправился вместе с фургоном к источнику Антилопы и, остановившись в стороне, в маленькой ложбине, стал дожидаться событий.

Наконец он явился, этот черный, как уголь, жеребец. Он пришел одинокий из-за южных песчаных холмов и спокойно спустился к источнику. Он обошел его сначала кругом, разнюхивая, не спрятался ли там какой-нибудь враг. Затем он подошел к воде в таком месте, где совсем не было тропы, и начал пить.

Джо смотрел на него и желал, чтобы он поглотил как можно больше воды – целую бочку. В тот момент, когда мустанг повернулся, чтобы пощипать траву, Джо прищипорил свою лошадь. Мустанг услышал стук копыт, увидел всадника и умчался.

Он направился прямо к югу все той же знаменитой развалистой иноходью. Расстояние между ним и его преследователем все увеличивалось. Достигнув песчаных холмов, он помчался дальше, сохраняя свой правильный шаг. Переутомленная лошадь Джо проваливалась в песок на каждом шагу и отставала все больше и больше.

Дальше было ровное место, где лошадь Джо могла несколько наверстать потерянное расстояние, но затем начался длинный спуск, по которому лошадь не решалась бежать во всю прыть и снова стала отставать.

Однако Джо продолжал скакать за иноходцем, не щадя ни хлыста, ни шпор. Одна миля... другая... третья... И вот уже вдали виднеются скалы Арриды.

Там Джо ждали свежие лошади, и он с новой энергией помчался дальше. Но темная, как ночь, грива, развеваясь по ветру, отдалялась от него все больше и больше.

Вот наконец и ущелье Арриды. Ковбой, карауливший там, спрятался, и мустанг пронесся мимо; он вихрем пролетел сначала вниз, потом вверх по склону, продолжая бежать все той же неизменной иноходью.

Джо, вскочив на свежего коня, помчался вниз, потом вверх. Еще и еще прищипоривая лошадь, он скакал, скакал и скакал, но не мог сократить расстояние ни на один шаг.

«Га-лумп, га-лумп, га-лумп...» – мерно отбивал копытами иноходец, не замедляя шага. Прошел час, другой, третий – и уже недалеко впереди показался Аламозо Арройо, где Джо ожидала подстава. Он кричал на свою лошадь, он всячески понукал ее. Вороной жеребец мчался как раз к намеченному месту, но, не добежав до него последних двух миль, он вдруг,

точно повинаясь какому-то странному предчувствию, свернул влево. Чувствуя, что мустанг ускользает, Джо что есть силы гнал свою измученную лошадь, стараясь во что бы то ни стало опередить его. Это была чрезвычайно трудная скачка. У Джо прерывалось дыхание. Кожа седла скрипела при каждом прыжке. Летя наперерез, Джо как будто начал нагонять иноходца. Тогда он взял ружье и стал выпускать пулю за пулей, чтобы поднять клубы пыли, чем наконец вынудил иноходца свернуть направо, к переправе.

И вот они спустились к реке. Мустанг понесся дальше, а Джо соскочил на землю. Его лошадь уже окончательно выбилась из сил, проскакав тридцать миль, да и сам Джо чувствовал себя не лучше. Глаза у него воспалились от едкой пыли, и он, почти ничего не видя перед собой, махнул рукой Тому и крикнул, чтобы он перешел вброд через Аламозо и продолжал погоню.

Новый всадник понесся вскачь на свежей, крепкой лошади вверх и вниз по волнистой равнине, а вороной жеребец мчался перед ним. Он весь покрыт был пятнами белоснежной пены, а шумное дыхание и бурно вздымавшиеся бока явно указывали, что ему тоже приходится нелегко. Но он все-таки продолжал мчаться...

Сначала Том как будто выиграл расстояние, но потом стал отставать. Но тут его сменил другой всадник, на свежей лошади. Погоня повернула к западу, миновала поселения сурков и продолжалась через чащу мыльной травы и кактусов, коловших своими шипами ноги лошадям.

Вороной жеребец стал гнедым от пота и пыли, но с иноходи не сбился. Молодой ковбой хотел заставить свою лошадь перескочить через ров, но прыжок не удался, и оба, всадник с лошадью, покатались вниз... Юноша уцелел, но лошадь разбилась, и по сию пору труп ее валяется во рву. А дикий вороной жеребец несся дальше...

У ранчо старика Галлего сам Джо, успевший отдохнуть, повел погоню, и не прошло и получаса, как он уже гнался по следу иноходца.

Вдали на западе виднелись горы Карлоса. Там его ждало подкрепление – свежие лошади и люди. Зная это, неутомимый всадник постарался повернуть погоню к западу. Но иноходец, повинаясь внезапной фантазии, а быть может, и внутреннему предчувствию, круто повернул к северу. Его неутомимый искусный преследователь продолжал мчаться за ним, крича и подстрекая свою лошадь и поднимая выстрелами пыль.

Черный метеор понесся вниз, по склону холма, и Джо не оставалось другого выбора, как только следовать за ним.

Тут началась самая трудная и мучительная часть погони. Джо, жестокий к мустангу, был еще более жесток к своей лошади и к себе. Солнце жгло немилосердно, раскаленная степь заволоклась словно дымкой от палящего зноя; глаза Джо горели, и губы потрескались от соленой, едкой пыли. А охота все продолжалась. Единственный шанс на успех заключался в том, чтобы загнать мустанга назад, к большой переправе на реке Аламозо Арройо.

Впервые за все время погони Джо начал подмечать признаки утомления у вороного жеребца. Его хвост и грива уже не развевались, как раньше, и короткое расстояние в полмили, отделявшее его от Джо, уменьшилось наполовину. Но он все же был впереди и бежал, бежал, бежал все той же иноходью...

Прошел час, прошел другой, а жеребец все бежал. Однако они уже свернули с прямой линии. К вечеру, проскакав целых двадцать миль, они приблизились к большому броду на Аламозо Арройо. Джо не отставал. У брода он перескочил на ожидавшуюся его свежую лошадь и помчался дальше.

Оставленная им лошадь, задыхаясь, бросилась к воде и пила до тех пор, пока не свалилась замертво.

Джо немного задержался, надеясь, что и вороной тоже обопьется воды. Но не тут-то было! Он сделал только один глоток и с плеском переправился через брод на другую сторону. За ним по пятам понесся Джо. Последнее, что видели товарищи Джо, была бешеная скачка: впереди, как стрела, мчался недостижимый вороной, а за ним скакал Джо...

Утром Джо вернулся в лагерь пешком. Его история была коротка: в результате восемь лошадей загнаны до смерти, пять человек совершенно выбились из сил, а необыкновенный мустанг-иноходец по-прежнему здоров и невредим и разгуливает на воле.

– Тут ничего не поделаешь! Догнать его нельзя, и я жалею, что не продырявил его проклятую шкуру, когда мог это сделать! – заявил Джо и отказался от дальнейших попыток поймать иноходца.

VI

В этой последней экспедиции поваром опять был старый Индюшиный След. Он следил за погоней с таким же интересом, как и все другие, и когда Джо потерпел неудачу, он только ухмыльнулся, заглядывая в котел, и проворчал себе под нос:

– Будь я проклят, если этот мустанг не будет мой!

От постоянного преследования иноходец одичал еще больше. Но он все-таки неизменно возвращался к источнику Антилопы. Это было единственное совершенно открытое место для водопоя, вокруг которого не было на расстоянии целой мили ничего такого, что могло бы служить прикрытием для врага. Мустанг являлся сюда ежедневно около полудня и, тщательно высмотрев все кругом, приближался к источнику.

Лишенный своего табуна, он всю зиму прожил одиноко. Старый Индюшиный След это хорошо знал и на этом строил свои расчеты. У одного из его приятелей была славная гнедая кобыла. Захватив с собой крепкие лошадиные путы, лопату, запасное лассо и толстый столб, старый повар оседлал эту кобылу и направился на ней к источнику.

Несколько антилоп скакали по степи, коровы лежали в траве, звенела песня жаворонка. Ясная, бесснежная зима в этих равнинах уже миновала, и весна приближалась быстрыми шагами.

Том привязал маленькую гнедую кобылу, чтобы дать ей пощипать траву, но она беспрестанно задирала голову кверху, испуская долгое призывное ржанье.

Старый Индюшиный След стал подробно изучать направление ветра и всю местность. Вот тут еще осталась яма, которую он помог выкопать. Теперь она была открыта и полна тухлой воды, в которой плавали дохлые сурки и мыши. Животные, приходящие на водопой, проложили себе новую тропу.

Выбрав поросшую осокой кочку среди ровной зеленой полянки, повар прочно вкопал в нее столб, затем вырыл яму, достаточно большую, чтобы можно было в ней спрятаться, и разостлал на дне ее свое одеяло.

Укоротив путы маленькой гнедой кобылы так, чтобы она едва могла двигаться, он растянул на земле лассо, привязал его длинным концом к столбу и прикрыл веревку землей и травой. Покончив с этим, он залез в свою нору.

Около полудня, после долгого ожидания, призывно ржавшая гнедая кобыла наконец дождалась ответа. С высоких холмов на западе раздалось точно такое же ржанье, и, чернея на фоне неба, появился знаменитый мустанг.

Он приближался своей мерной развалистой иноходью, но часто подозрительно останавливался, осматривался и подавал голос. Ржанье кобылы, вероятно, находило отклик в его сердце. Он подошел еще ближе, опять заржал, но вдруг встревожился и стал бегать большими кругами – вероятно, чтобы узнать, нет ли поблизости врага. Но тут гнедая кобыла снова заржала. Мустанг описал еще один круг, приблизивший его к ней, и тоже заржал. Ее ответ, по-видимому, заглушил все страхи, и сердце его загорелось.

Он гарцевал, приближаясь к Солли, гнедой кобыле, пока не прикоснулся носом к ее носу.

Переступая с ноги на ногу и гарцуя вокруг Солли, он на миг ступил задней ногой в роковую петлю. Том быстро дернул веревку, петля затянулась, и мустанг был пойман за ногу.

Страх удвоил силу коня. Он отпрянул, но веревка не пустила его, и он свалился, беспомощный, побежденный.

Безобразная, маленькая сгорбленная фигурка старого Тома вынырнула из ямы. Он победил великолепное создание природы. Мощная сила коня оказалась бессильной против ума и изобретательности маленького, слабого старичка. Мустанг фыркнул и отчаянно боролся, стараясь вырваться на волю, но все было напрасно: веревка крепко держала его.

Том быстро бросил второе лассо, которое обмотало передние ноги мустанга. Затем искусным движением Том стянул ему все ноги вместе. Разъяренное животное через минуту лежало на земле, беспомощное и связанное, как боров.

Несчастный иноходец продолжал биться еще долго, пока окончательно не изнемог. Все тело его сотрясалось от судорожных рыданий, и по морде скатывались слезы.

Том стоял и смотрел, и в душе этого старого пастуха происходило что-то странное. Он весь дрожал, с головы до ног, чего не бывало с ним с тех пор, как он в первый раз бросил лассо и поймал своего первого быка. И теперь он несколько минут не мог двинуться с места и только стоял и смотрел на своего замечательного пленника.

Однако чувства эти скоро рассеялись. Том оседлал свою кобылу, сыгравшую роковую роль, и, взяв новое лассо, надел его мустангу на шею. Он поставил кобылу возле жеребца. Уверенный, что мустанг уже больше не ускользнет от него, Том хотел распустить веревки, но тут ему в голову пришла внезапная мысль. Ведь он совершенно забыл про одно важное обстоятельство и начал дело, не имея всех нужных приспособлений.

По законам Запада, дикий мустанг становится собственностью того, кто первый наложит на него свое тавро. Но как это сделать теперь для доказательства своих прав на этого иноходца, когда ближе чем за двадцать миль не найти прибора для клеймения скота?

Однако старый Том был изобретателен. Подойдя к своей кобыле, он по очереди осмотрел ее копыта и каждую подкову. Действительно, одна из подков некрепко сидела и немного шаталась. Том стал ее раскачивать и отделять от копыта, пока наконец не сбил совсем.

Найти топливо для костра на этой равнине было нетрудно. Хворосту и сухой травы было достаточно, поэтому можно было быстро разложить костер. Том взял подкову, завернул один ее конец в свой носок, а другой раскалил докрасна на огне. Сделав это, он приложил его к левому плечу беспомощного мустанга и выжег на нем грубое клеймо Индюшиного Следа – свое клеймо, впервые примененное по назначению.

Мустанг вздрогнул, когда раскаленное железо коснулось его тела. Но дело было быстро сделано, и гордый, свободный иноходец был заклеимен, как домашняя лошадь.

Теперь оставалось только отвести его домой. Том распустил веревки. Мустанг, почувствовав это, вообразил, что он уже свободен: он вскочил на ноги, рванулся, но тотчас же опять повалился. Его передние ноги были крепко связаны вместе, и он мог двигаться только подпрыгивая. Когда он пытался бежать, связанные ноги мешали ему, и он падал. Том на своей легконогой кобыле старался увести его за собой. Он тащил его, понукал и всячески принуждал идти, но строптивый, разъяренный и покрытый пеной пленник не хотел покориться. Он дико ржал и яростно фыркал, делая бешеные скачки и пытаясь вырваться на волю.

Это был долгий и жестокий поединок. Блестящие бока мустанга потускнели от пены, смешанной с кровью. Он падал бесчисленное количество раз. Он устал от долгих дней погони и сильно ослабел. Он бросался то в одну, то в другую сторону, но его порывистые скачки становились все слабее и вылетающая из ноздрей пена окрашивалась кровью. А победитель, беспощадный, властный, холодный, все понукал его, заставляя идти вперед.

Борясь за каждый шаг, они уже спустились по склону к ущелью и достигли начала тропы, идущей вниз, к единственной переправе через ущелье. Тут была крайняя северная граница прежних владений иноходца. Отсюда уже можно было видеть ограду и ранчо. Том ликовал, но мустанг собрал остаток своих сил для последней, отчаянной попытки вернуть свободу. Разорвав веревки, он бросился вверх по откосу и летел все выше и выше, несмотря на свистнувшую в воздухе веревку, несмотря на выстрел, пущенный в напрасной надежде остановить его и прекратить безумную скачку.

Все выше и выше взбирался мустанг и достиг отвесного утеса. Оттуда он спрыгнул вниз, в пропасть, и летел, сорвавшись с высоты двухсот футов, все вниз и вниз... пока не свалился наконец на камни. Он остался лежать там бездыханный, но... свободный.

По следам оленя

I

Было очень жарко. Ян вышел на охоту за птицами и блуждал среди бесконечных лесных зарослей. Солнечные лучи нагрели воду в болотистых прудах, и Ян направился к Роднику Следов – единственному месту, где он мог напиться холодной воды.

На берегу родника его внимание привлек изящный след маленького копыта, резко оттиснутый в тине. Яну никогда раньше не приходилось видеть подобных следов. Он вздрогнул от удовольствия, угадав, что это был след дикого оленя.

«Олени больше не водятся на этих холмах», – говорили Яну колонисты.

Но когда выпал первый снег, Ян, вспомнив об отпечатке оленьего копыта на берегу родника, перекинул спокойно ружье за плечи и сказал себе:

«Я буду бродить по холмам каждый день, пока не убью оленя».

Ян был высокий, крепкий двадцатилетний парень. Он не мог считаться еще заправским охотником, но был неутомимым ходоком и отличался редкой настойчивостью.

Каждый день в поисках оленя Ян взбирался на холмы. Каждый день ему приходилось отмеривать десятки миль по снегу, и все же с наступлением ночи он возвращался в свою избушку, так и не увидев оленьего следа.

Но терпение все преодолевает: после долгих, трудных скитаний по южным холмам Ян наткнулся наконец на оленьи следы – давние и едва заметные, но несомненные следы оленя. Он снова вздрогнул от удовольствия, как летом.

«По этим следам я доберусь до оленя», – думал Ян.

Сначала следы были настолько неясны, что Ян не мог с точностью определить, в каком направлении бежал олень. Но вскоре он разглядел, что одна сторона следа была оттиснута глубже другой. Ян решил, что более глубокие оттиски сделаны передней частью копыта. Кроме того, он заметил, что расстояние между следами уменьшалось по мере восхождения на холм. Наконец совершенно ясный оттиск копыта на песчаной почве разрешил все его сомнения.

Ян, охваченный волнением, чувствуя странное покалыванье в корнях волос, быстро победил по следу – все вперед и вперед.

Оленьи следы становились все яснее и заметнее. Целый день Ян гнался по следам, и к ночи они привели Яна к окрестностям вблизи его хижины. Теперь следы шли по знакомым местам: позади лесопилки, по пастбищу Митчелла, и вели прямо в густой осоковый лес.

Надвигалась ночь, и Яну пришлось прекратить преследование. Он находился всего в семи милях от своего жилища и через час был уже дома.

Утром он снова разыскал след, но на этот раз дело пошло труднее: вместо прежнего следа Ян наткнулся на множество новых, перекрещивающихся в разных направлениях. Он все-таки бросился наудачу вперед и вскоре нашел два совсем свежих следа. Преследование становилось таким же легким, как вчера. Ян снова пустился в погоню.

Нагнувшись и не поднимая головы, он все время внимательно присматривался к следам и поэтому был чрезвычайно поражен внезапным появлением двух серых животных с большими ушами. Животные эти поскакали прочь, едва заметив его. Вскочив на холм, они повернули головы и принялись разглядывать Яна.

Какие необыкновенные олени! Взглядом своих кротких глаз, выражение которых он скорее чувствовал, чем видел, они заставили Яна остановиться. Охотник понял, кто перед ним. Ведь он целые недели страстно ожидал этой встречи! И, несмотря на это, все-таки встреча оказалась неожиданной. Все его планы рассеялись, как дым, и он стоял пораженный.

– О-о-о! – вырвался тихий вздох из его груди.

Олени отвернулись, но Яну продолжало казаться, что он чувствует их взгляды на себе.

Между тем олени начали спрыгивать с холма и снова вскакивать на него, как будто забавляясь. Они, казалось, совсем забыли о Яне и, едва касаясь копытами земли, без всякого видимого усилия подпрыгивали на высоту шести-семи футов. Ян стоял неподвижно, замороженный странной игрой этих легконогих серых животных. В их движениях не было заметно ни страха, ни торопливости, и Ян решил наблюдать их игру, пока они не убегут. «Ведь должны же они, – думал он, – в конце концов испугаться, и я увижу те гигантские прыжки, о которых столько рассказывают старые охотники».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.